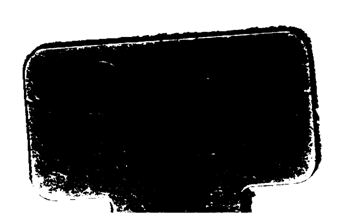

UC-NRLF
$B 128 120

A. Arsen'ev

А. АРСЕНЬЕВЪ.

XX

ВУМУЖНИЦА

Dvumuzhnitsa

Историческая повѣсть.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

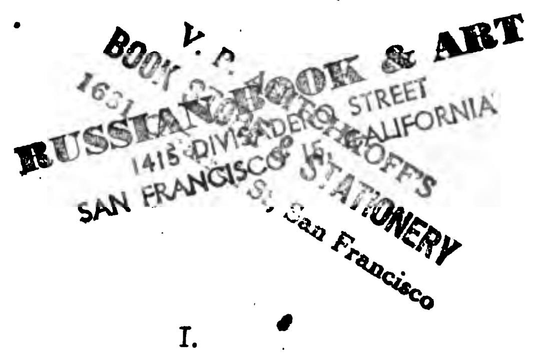
Изданiе книжнаго склада **„РОДИНА“**

1891

1891

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 26 сентября 1891 г.

Типо-хромо-литографія А. Траншель. Стремянная, 12.

I.

Въ одной изъ среднихъ губерній существовало обширное имѣніе князей Раменскихъ, одна частица ихъ былого огромнаго земельнаго богатства. Эта вотчина ихъ, Раменье, была древнѣйшимъ достояніемъ фамиліи, державшаяся въ роду нѣсколько сотъ лѣтъ и болѣе всѣхъ любимая всѣми владѣльцами. Она была лѣтнимъ мѣстопребываніемъ всѣхъ смѣнявшихся поколѣній князей Раменскихъ до середины нынѣшняго столѣтія, и потому въ этомъ имѣніи находился обширный каменный барскій домъ, обложенный мраморомъ, съ колоннами и скульптурными фронтонами.

Къ дому примыкалъ большой садъ, носившій на себѣ слѣды барскихъ затѣй разныхъ эпохъ и стилей, съ лабиринтами, подстриженными деревьями, бесѣдками, каскадами. гротами, тарпейскими скалами и про ..ми вычурами, какими хотѣли украсить природу нѣсколько поколѣній владѣльцевъ усадьбы. Барскій домъ, пока въ немъ жили владѣльцы, подновлялся и содержался въ наружной и внутренней красотѣ, былъ наполненъ роскошною мебелью, картинами, гобеленами; дубовые

шкафы круглой библіотечной комнаты высились до потолка ротонды съ верхнимъ свѣтомъ и заключали за своими зеркальными стеклами цѣлое сокровище старинной французской литературы, гравюръ и роскошныхъ изданій.

Съ хоръ бѣлой мраморной танцовальной залы, саженъ въ пятнадцать-двадцать длиною, во времена оны раздавалась музыка бальныхъ и роговыхъ оркестровъ; красивый штучный полъ дрожалъ подъ ногами блестящихъ танцоровъ.

Въ богатствѣ рода князей Раменскихъ было нѣсколько эпохъ: до-петровскія времена были эпохой собиранія и округленія ихъ состоянія; отъ Петра до Екатерины Великой богатство ихъ колебалось въ своемъ итогѣ; при Екатеринѣ возросло до громадныхъ размѣровъ, а послѣ нея быстро пошло къ упадку.

Послѣднему владѣльцу Ременья досталось только одно оно, однако, и этого куска было достаточно, чтобы считать себя состоятельнымъ человѣкомъ.

Князь Иліодоръ Раменскій, блестящій франтъ и мотъ, большую часть жизни проводилъ за-границей, не зная счета деньгамъ, а всѣми дѣлами его завѣдывалъ плутъ-нѣмецъ, и потому и это послѣднее достояніе Раменскаго быстро таяло.

Роскошный домъ въ Раменьѣ стоялъ пустой и заколоченный; прекрасный садъ заросталъ и сглаживалъ слѣды искусственныхъ украшеній; у скульптурныхъ фронтоновъ начали отваливаться руки, головы и носы барельефныхъ Ахиллов, Гекторовъ и Аяксовъ; по мраморной облицовкѣ пошли трещины, сѣрыя и чер-

ныя пятна; кое гдѣ разноцвѣтный мохъ, точно лишаи на тѣлѣ, распестрилъ стѣны. Внутренность дома тоже пришла въ упадокъ. Плутъ-управляющій мало по малу распродалъ дорогую мебель, ковры, гобелены и картины; библіотеку раскрали,— и всѣ жалкіе остатки прежняго величія стали покрываться пылью, плѣсенью и паутиной, никѣмъ не посѣщаемые. Домъ точно умеръ и предавался медленному тлѣнію; сквозь закоптѣлыя стекла огромныхъ оконъ видно было все это жалкое зрѣлище, и невыразимая тоска охватывала сердце при видѣ этого древняго, съ славнымъ и шумнымъ прошлымъ, историческаго мертвеца, забытаго и заброшеннаго среди суэты новыхъ поколѣній.

Въ домѣ этомъ давно, сотня лѣтъ тому назадъ, произошла очень трогательная и романическая исторія, которая будетъ предметомъ нашего повѣствованія. Объ этомъ происшествіи не сохранилось никакой памяти; кромѣ двухъ, весьма непонятныхъ и странныхъ предметовъ, которые впослѣдствіи погибли безслѣдно.

Усадьба была за смертью послѣдняго холостаго князя Раменскаго продана съ торговъ и попала въ руки мужика-откупщика. Онъ перестроилъ домъ сверху до низу подъ винокуренный заводъ; садъ былъ вырубленъ, выкорчеванъ; всѣ украшенія снесены съ лица земли, и на мѣстѣ ихъ выросли длинныя казармы для рабочихъ, кочегарни, склады и прочее, составляющее поэзію новаго времени, обильнаго изобрѣтеніями и предпріимчивостью. Два странныхъ предмета, напоминавшихъ таинственную и романическую исторію, происшедшую въ домѣ Раменскихъ, были слѣдующіе: въ

большой спальнѣ одной изъ княгинь Раменскихъ висѣлъ на стѣнѣ портретъ изможденнаго узника въ арестантскомъ платьѣ, съ небритою сѣдою бородою, съ большими, горящими какимъ-то затаеннымъ огнемъ, глазами; рама была черная, по угламъ украшенная желѣзнымъ подобіемъ кандаловъ съ цѣпями, а на верху, какъ рѣзкая противоположность, два лѣпныхъ золотыхъ амура держали пламенѣющее сердце съ надписью: „fidélité“. Другимъ предметомъ былъ стоявшій въ саду мраморный мавзолей въ видѣ четырехгранной пирамиды, украшенный съ одной стороны медальеномъ съ портретомъ-профилемъ, схожимъ съ тѣмъ, что висѣлъ въ домѣ, съ другой—были вычеканены сломанныя кандалы съ цѣпями, съ третьей—сердце съ надписью, какъ и на портретѣ, а съ четвертой—надпись:

„Неизмѣнной вѣрности,
Непреклонной любви“.

Послѣдній владѣлецъ Раменья только смутно зналъ о семейномъ преданіи, объясняющемъ эти два памятника, и по невнимательности своей къ фамильнымъ святынямъ съ легкой душой далъ этимъ памятникамъ разрушаться отъ времени, а пріобрѣвшій Раменье отъ купецъ докончилъ дѣло природы: портретъ былъ выброшенъ въ хламъ, а памятникъ разобранъ по камешку и употребленъ въ дѣло подъ новыя постройки.

Напрасно мы стали-бы обращаться къ воспоминаніямъ старожиловъ, — этому во многихъ случаяхъ вѣрному отголоску старины, — чтобы хоть отчасти объяснить намъ значеніе памятника въ саду, — на этотъ счетъ не сохранилось въ народѣ никакой молвы, никакого

преданія, хотя окрестное населеніе съ незапамятныхъ временъ считало себя подданными князей Раменскихъ.

Все происшествіо было окутано мракомъ непроницаемой тайны, тайны, въ которой замѣшана честь знатнаго княжескаго рода, которую ревниво берегли отъ взгляда постороннихъ. И вотъ почему всевидящая и всепроницающая народная молва, сохранившая для науки много тайныхъ историческихъ фактовъ, въ этомъ происшествіи не нашла пищи для своего легендарнаго творчества, ибо оно не было никому извѣстно, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему лицъ.

Но мы раскроемъ завѣсу этой тайны, хранившейся сотню лѣтъ, и разскажемъ событіе, происшедшее въ семьяхъ князей Долинскихъ и князей Раменскихъ.

II.

У князя Сергѣя Долинскаго, виднаго вельможи Екатерининскаго блестящаго двора, было два сына-гвардейца, фавориты всемогущаго князя Потемкина, и двѣ дочери: Таня, дѣвушка восемнадцати лѣтъ, и Настя—десяти.

Дочери получали образованіе дома, для чего родители не щадили ни средствъ, ни усилій: у нихъ были учителя по всѣмъ предметамъ, гувернантки для трехъ языковъ, музыканты, балетмейстеръ для танцевъ. Постоянно при дѣвушкахъ находилась англичанка governess miss Penn, сопровождавшая ихъ во всѣхъ прогул-

кахъ, во всѣхъ выѣздахъ по родственникамъ, словомъ, всюду.

Старшую дочь Таню еще не вывозили «въ свѣтъ», и она росла дома прелестной дѣвушкой съ круглымъ русскимъ лицомъ, добрыми сѣрыми глазами и бѣлокурыми густыми волосами. Она была очень умна и способна, а характеромъ вышла совершенно въ отца,— твердая и энергичная, не отступавшая отъ своего рѣшенія ни въ мелочахъ, ни въ важныхъ случаяхъ.

Дочерей, особенно старшую Таню, очень любилъ отецъ, князь Сергѣй Долинскій, тогда какъ сыновья были баловнями и фаворитами матери, княгини Софьи Зиновьевны, женщины гордой и властолюбивой, не терпѣвшей противорѣчій.

Княжна Таня, въ силу сложившихся обстоятельствъ, рано привыкла углубляться въ себя; совѣтоваться только съ собой, ибо братья, какъ только стали отроками, тотчасъ возомнили себя юношами и начали смотрѣть на сестру пренебрежительно и свысока; съ матерью у Тани, благодаря ея настойчивости, тоже особеннаго ладу не было; отецъ, хотя и любилъ ее, но рѣдко видѣлся съ ней, занятый дѣлами и придворной службой. Сестра Настя была слишкомъ молода, а miss Penn, сухая и чопорная англичанка, отличалась крайнею недальновидностью и ограниченностью, такъ что часто бойкія дѣвушки продѣлывали съ нею очень смѣшныя штуки.

Изъ всѣхъ учителей, дававшихъ уроки княжнамъ Долинскимъ, болѣе всѣхъ пользовался расположеніемъ старшей княжны учитель русскаго языка, воспитанникъ московскаго университета и горячій поклонникъ та-

мошняго профессора философіи Шварца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденный масонъ, Игнатій Петровичъ Колесниковъ.

Онъ былъ сынъ небогатаго дворянина и владѣлъ по наслѣдству послѣ отца имѣніемъ въ пятьдесятъ душъ, да и то вмѣстѣ съ сестрою, которой предоставлялъ весь доходъ съ имѣнія, а самъ зарабатывалъ деньги личнымъ трудомъ, давая уроки и работая въ «Дружескомъ ученомъ Обществѣ», а впослѣдствіи въ «графической компаніи», основанной Шварцемъ, а по смерти его въ 1784 году поддерживаемой Н. И. Новиковымъ.

Наружности Игнатій Петровичъ былъ замѣчательной высокій брюнетъ съ глубокими выразительными глазами и энергическими чертами лица. Всѣ его движенія были плавны, разговоръ не тороливъ, но убѣжденія его были неотразимы, а разсказы завлекательны. Онъ зналъ нѣсколько языковъ и былъ всесторонне начитанъ; для просвѣтительныхъ цѣлей Новиковскаго общества Колесниковъ былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ членовъ, и онъ всей душой былъ преданъ благороднымъ идеямъ и цѣлямъ общества.

Въ домѣ князя Долинскаго Колесниковъ былъ принятъ сначала весьма свысока и пренебрежительно, сообразно его скромной роли бѣднаго человѣка-учителя, но скоро его необыкновенный умъ и благородныя манеры обратили на него вниманіе болѣе, чѣмъ на простаго учителя. Онъ сталъ удостоиваться приглашенія къ семейному столу; князь Сергѣй Иринеичъ, старый вольтерьянецъ, иногда заводилъ съ нимъ споры, и вотъ

тутъ-то онъ иногда, въ пылу доказательства, невольно увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ мистическаго характера. Сыновья-гвардейцы въ этихъ спорахъ ограничивались чаще всего ролью насмѣшниковъ свысока, не умѣя по достоинству отразить доводовъ Колесникова, но его это не смущало и не обижало. Всѣ признавали его необыкновенно умнымъ и ученымъ человѣкомъ, но страннымъ: гвардейцы прозвали его «святошей» и «ханжой», старый князь видѣлъ въ немъ масона и уважалъ: miss Penn высоко ставила его пуританскія воззрѣнія на жизнь, но самой внимательной его слушательницей была княжна Таня: на нее онъ производилъ необыкновенно сильное впечатлѣніе мистическимъ оттѣнкомъ своихъ рѣчей, подходившихъ къ характеру замкнутой молодой дѣвушки.

Въ своихъ урокахъ словесности имъ приходилось наталкиваться на множество мыслей и разсужденій, не принадлежащихъ прямо къ изучаемому ими предмету, но относившихся къ нему косвенно, дополнявшихъ и разъяснявшихъ его,—и вотъ тутъ-то многостороннія знанія учителя открывали передъ жадно слушавшей ученицей цѣлый міръ новыхъ понятій, знаній, картинъ. Таня привыкла обращаться къ Колесникову за разрѣшеніемъ всѣхъ приходившихъ ей въ голову мыслей и сомнѣній,—и всегда въ отвѣтахъ учителя находила полное удовлетвореніе пытливости своего молодого ума.

Она чувствовала, что уроки и бесѣды съ Колесниковымъ развиваютъ ее, даютъ ей знанія и опредѣленный образъ мыслей,—и никогда часы его занятій не казались ей слишкомъ долгими,—а всегда она внутрен-

но досадовала, когда онъ съ методическою точностью поднимался съ своего мѣста, чтобы его смѣнилъ другой учитель или самому поспѣть въ назначенное время на другое дѣло.

Помня разстояніе, какое отдѣляетъ его, бѣднаго и незнатнаго учителя, отъ богатой и аристократической дѣвушки-княжны, Колесниковъ въ обращеніи съ ученицей держался преувеличенно строго, но живая и воспріимчивая княжна сама расположилась къ нему всей душой, и часто ея горящіе искреннимъ къ нему расположеніемъ взоры превозмогали его оффиціальность, и онъ, незамѣтно для самого себя, начиналъ высказываться со всею откровенностью своего чистаго и цѣломудреннаго сердца. Для княжны это было время истиннаго наслажденія, она въ эти минуты почти любила его, не отдавая сама себѣ отчета въ волновавшемъ ее чувствѣ. Съ своей стороны и Колесниковъ все болѣе и болѣе привязывался къ своей усердной и понятливой ученицѣ; и для него время уроковъ съ нею стало временемъ не труда, а удовольствія. Онъ видѣлъ, какъ слова его падаютъ на плодотворную почву, какъ формируется подъ его вліяніемъ свѣтлая и честная голова дѣвушки.

III.

Княжна Таня неоднократно слышала про масоновъ, про какое то Новиковское общество. Въ ихъ гостиной и въ гостиныхъ ея родственниковъ про нихъ ходили

самыя разнородныя сужденія, иногда прямо противоположныя. Одни хвалили ихъ, другіе яростно нападали и требовали для масоновъ всякихъ казней. Въ ея семьѣ тоже на этотъ счетъ былъ расколъ: отецъ ея хотя и былъ въ старину вольтерьянецъ и высказывалъ иногда матеріалистическія воззрѣнія, но, имѣя многихъ важныхъ знакомыхъ и родственниковъ въ масонахъ, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ.

Сыновья относились къ нимъ насмѣшливо, а мать ненавидѣла ихъ всей душой и называла «безбожниками» и опасными людьми. Однако, всѣ они очень мало знали о сущности и значеніи этого ученія, знали только, что это что то таинственное и сильное по средствамъ и по связямъ.

Пытливый умъ Тани хотѣлъ разъяснить для себя эту тайну; она долго собиралась приступить съ этими разспросами къ своему учителю, въ которомъ подозрѣвала масона, но все колебалась и не могла рѣшиться.

Наконецъ у нихъ въ гостиной толки о масонахъ стали особенно часты и горячи; въ высшихъ сферахъ возникло какое то особенное негодованіе противъ тайныхъ обществъ; начали поговаривать о крутыхъ репрессивныхъ мѣрахъ противъ нихъ.

— Давно бы ихъ, безбожниковъ, пора по тюрьмамъ разсадить!—говорила княгиня Софія Зиновьевна,—они съ нечистою силою знаются,—вотъ отчего такъ и богаты!.. Извольте знать, сколько они тратятъ денегъ для народа!.. У нихъ, говорятъ, золото изъ каменьевъ варятъ,—оттого и денегъ много!..

— Но, матушка-княгиня, вѣдь Новикова отдавали же на испытаніе въ вѣрѣ митрополиту Платону и онъ ничего опаснаго въ немъ не нашелъ, возразилъ князь Долинскій.

— Онъ просто притворился передъ владыкой и отвелъ глаза ему... Не дуракъ онъ, чтобы передъ владыкой свою ересь выкладывать. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!

— Это бы еще, княгиня, полъ-бѣды,—присоединился къ ней одинъ изъ гостей,—но вѣдь ихъ обществамъ приписываютъ страшныя политическія потрясенія во Франціи: вы посмотрите, что вольнодумцы дѣлаютъ тамъ съ королемъ! Такъ что даже Австрію и Пруссію заставили думать о вмѣшательствѣ, для возстановленія законной власти.

— Масоны политикой не занимаются, возразилъ другой гость, дѣла ихъ—дѣла благотворенія и самоусовершенствованія въ духѣ религіи.

— Тогда для чего же при такихъ безобидныхъ цѣляхъ они облекаютъ свои дѣйствія такой тайной? Добрыя дѣла можно дѣлать и не скрываясь! А то какія то ложи, тайные знаки, тайныя слова, костюмы, должности.

— А вотъ вы соберите-ка людей въ общество безъ какой нибудь внутренней организаціи, да еще въ такое общество, гдѣ каждый долженъ быть безпрекословнымъ данникомъ для цѣлей общества, гдѣ для единства дѣйствій требуется строгая дисциплина и подчиненность! Таинственность только привлекаетъ къ обществу людей; къ обряду склонна человѣческая натура.

— Конечно, матушка-княгиня, снова вступилъ въ разговоръ князь Сергѣй,—твой братъ Никита Ивановичъ—человѣкъ высокой нравственности, но въ то же время онъ масонъ.

Разговоръ долго еще тянулся на эту тему; княжна Таня, наконецъ, ушла спать, съ твердымъ намѣреніемъ непремѣнно разспросить завтра Колесникова о масонахъ.

На другой день учитель ея пришелъ необычайно грустный; княжна Таня, отлично приготовивъ уроки, старалась какъ можно болѣе сократить время занятія грамматикою, чтобы успѣть задать Колесникову интересующій ее вопросъ.

Къ разспросамъ приступила княжна издалека:

— Что вы сегодня такой скучный, Игнатій Петровичъ?

— Скучный? Нѣтъ. А вы развѣ замѣтили это?

— О, я васъ совершенно изучила и по вашему лицу и взгляду всегда скажу, что у васъ дѣлается на душѣ.

— Вотъ какая вы примѣтливая... Ну-съ, такъ чѣмъ же мы еще займемся? Вотъ развѣ пройти...

— Не надо, не надо ничего проходить сегодня, прошу васъ! Я нарочно старалась поскорѣе отдѣлаться. У меня есть къ вамъ очень большая просьба, я хочу васъ спросить о масонахъ.

Колесниковъ многозначительно посмотрѣлъ Танѣ прямо въ глаза, но она твердо выдержала его взглядъ и продолжала:

— Да, о масонахъ. О нихъ такъ много нынче го-

ворятъ и такое все разное, что я, наконецъ, захотѣла узнать о нихъ. Вы, вѣроятно, о нихъ много знаете,— вы все знаете, мнѣ кажется... Мнѣ кажется, что вы... вы сами—масонъ...

Сказавъ это противъ воли, княжна вся вспыхнула румянцемъ смущенія. Колесниковъ тоже вспыхнулъ.

— А зачѣмъ вамъ надобно знать,—масонъ ли я?.. Вы, вѣроятно, слыхали много дурнаго о нихъ. Теперь на нихъ воздвигаютъ гоненіе, дѣла ихъ пошли очень худо...

— Мнѣ очень бы хотѣлось узнать о нихъ что нибудь... О нихъ говорятъ и хорошо, и очень дурно, вотъ, напримѣръ, мама,—она считаетъ ихъ безбожниками, я почему то рѣшительно не вѣрю ничему дурному, что о нихъ говорятъ... Говорили про какого то Новикова, что его отдавали на судъ митрополиту московскому... Кто этотъ Новиковъ?.. Я отъ васъ слыхала, что вы работаете въ какомъ то «Новиковскомъ обществѣ».

— Да, я работалъ тамъ, но оно теперь закрылось и это большое несчастіе для Россіи, что оно закрылось...

— Значитъ, масоны полезные люди? Значитъ, это все неправда, что говорятъ про нихъ, будто они знаются съ нечистой силой, могутъ добывать золото изъ простыхъ камней, уничтожить своихъ враговъ наговоромъ и колдовствомъ?

— Совершенная неправда. Для непосвященныхъ въ ихъ тайны обряды масоновъ могутъ показаться странными и подать поводъ къ разнымъ нелѣпымъ

выдумкамъ на ихъ счетъ, но въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ.

— Что же они дѣлаютъ? для чего они составляютъ тайныя общества?

— Для помощи себѣ и ближнимъ, а тайной они облекаютъ свои общества для того, чтобы сходиться людямъ только хорошо извѣстнымъ другъ другу, чтобы каждый членъ во всѣхъ дѣлахъ могъ твердо положиться на товарища, ибо за поступками и нравственностію членовъ существуетъ самый строгій надзоръ. Никто посторонній никогда не проникнетъ въ общество.

— Ну, что же они тамъ дѣлаютъ, чѣмъ занимаются въ обществѣ?

— Обсуждаютъ свои дѣла.

— У нихъ какіе то странные обряды?

— Объ этомъ никто посторонній не можетъ узнать, а съ масоновъ берется страшная клятва не выдавать ничего изъ тайнъ общества. Никто не знаетъ ни мѣста, ни времени, гдѣ они собираются.

— А это «Новиковское общество», о которомъ говорятъ? О немъ вы, вѣроятно, больше знаете?.. Его дѣйствія не секретъ?

— Нисколько! Дѣла его открыты всѣмъ и всѣмъ видны. Только озлобленный противъ общества человѣкъ можетъ порицать его. Я не знаю ни времени, ни страны, гдѣ бы масонство съ большею пользою употребило свое вліяніе, могущество и богатство, гдѣ бы выше и полезнѣе оно приложило свои идеи человѣколюбія и помощи человѣку выбраться изъ мрака пороковъ и не-

вѣжества на свѣтъ знанія и нравственнаго улучшенія... У насъ, Татьяна Сергѣевна,—продолжалъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь, Колесниковъ,—слова: человѣколюбіе, помощь ближнему, нравственное улучшеніе остаются только словами! Никто не понимаетъ ихъ хорошо, а тѣмъ болѣе никто не отвѣтитъ на вопросъ: какъ претворить эти слова въ благотворное дѣло, да не въ маленькое дѣло помощи одному лицу, семейству, городу, наконецъ, а въ обширное дѣло помощи и просвѣщенія цѣлаго государства, такого обширнаго, какъ наше, напримѣръ?..

Игнатій Петровичъ немного остановился, впѣривъ горящій взглядъ въ глаза затаившей дыханіе княжны, какъ бы ожидая ея отвѣта. Княжна Таня видѣла, что задѣла своимъ вопросомъ глубокую и чувствительную струну учителя, коснулась его завѣтныхъ убѣжденій и ждала отъ учителя одной изъ тѣхъ живыхъ рѣчей, какими она всегда увлекалась.

— Говорите, говорите, Игнатій Петровичъ, это дѣло великое...

— Да-съ! это дѣло великое, Татьяна Сергѣевна! Вы, я вижу, поняли всю величественность такой задачи. И эту великую задачу могъ исполнить и началъ, и многое сдѣлалъ такой высоко-христіанскій и практическій умъ, какъ Николай Ивановичъ Новиковъ! Онъ не остановился на одной обрядовой сторонѣ масонства, на однихъ красныхъ словахъ и рѣчахъ о добродѣтеляхъ, украшающихъ ихъ общество, а воспользовался хорошо устроеннымъ учрежденіемъ, чтобы приносить дѣйствительную, осязаемую и видную пользу народу, и благо-

творительностью и просвѣщеніемъ. Что надобно народу? Образованіе. Новиковъ для высшихъ классовъ издаетъ журналы: «Московскія Вѣдомости», «Московское Изданіе», «Вечернюю Зарю», «Покоющагося Трудолюбца», «Словарь писателей», собираетъ и печатаетъ древнія рукописи по русской исторіи подъ заглавіемъ «Древняя Русская Вивліоѳика» и много другихъ книгъ; для народа онъ издаетъ учебники, азбуки, книги для чтенія и разсылаетъ ихъ *безплатно* по школамъ; на средства общества онъ открываетъ въ городахъ и селеніяхъ безплатныя школы и снабжаетъ ихъ всѣмъ нужнымъ, содержитъ ихъ, учреждаетъ во многихъ городахъ книжные магазины для распространенія дешевыхъ книгъ, все это для просвѣщенія. Для народнаго здоровья онъ восполняетъ нужду въ больницахъ и въ аптекахъ учрежденіемъ ихъ вездѣ, гдѣ дозволяютъ средства общества. Помощь въ несчастіяхъ и раздача милостыни была въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что трудно повѣрить.

Когда, года четыре тому назадъ, былъ въ Московской и смежной съ нею губерніяхъ голодъ,—имъ было роздано безплатно хлѣба на нѣсколько сотъ тысячъ рублей! И посмотрите, какъ доброе дѣло рождаетъ и добрыхъ людей: когда, во время московскаго голода, Новиковъ говорилъ въ «Дружескомъ ученомъ Обществѣ» рѣчь о помощи голодающимъ,—всѣ изъявили согласіе подѣлиться послѣднимъ, а одинъ купецъ, Походяшинъ, такъ тотъ предоставилъ свое милліонное состояніе въ распоряженіе общества... а съ этого имущества только одинъ ежегодный доходъ равнялся 60.000 рублей!

Нѣкто Лопухинъ все свое большое состояніе отдалъ въ общество и самъ работаетъ такъ, какъ бы получалъ за это содержаніе. Князь Рѣпнинъ, губернаторъ Бѣлорусскій, содержалъ во время голода народъ на своемъ иждивеніи *въ двухъ губерніяхъ.* Даже небогатые люди, одушевленные ревностью къ высокому и благому дѣлу, своимъ стараніемъ производятъ великія вещи; одинъ священникъ въ Орлѣ собралъ пожертвованія и основалъ богадѣльню, училище и воспитательное заведеніе! Вотъ какъ сильна любовь и дѣятельность людей, связанныхъ въ это общество и руководимыхъ такимъ человѣкомъ, какъ Новиковъ и ему подобные!

Княжна слушала, пылая одушевленіемъ; эти люди, о которыхъ она слышала, казались ей святыми, а самъ повѣствователь о нихъ не менѣе ихъ способнымъ на высокія дѣла благотворенія.

Колесниковъ замолкъ и тяжело перевелъ духъ.

— И вы... и вы, Игнатій Петровичъ... вы работали въ этомъ обществѣ? вы принимали участіе въ этихъ добрыхъ дѣлахъ?

— Ну, я... я здѣсь совсѣмъ незамѣтная мошка... я наемникъ, служившій имъ своими знаніями при переводѣ и составленіи книгъ.

— «Скромность!—мелькнуло въ головѣ княжны,—онъ не хочетъ хвастать своими дѣлами. О, какой чудесный человѣкъ, этотъ Игнатій Петровичъ!»

— И дѣла этого благодѣтельнаго общества закрылись?—снова спросила княжна,— кто же это сдѣлалъ?

— О! у нихъ было много ожесточенныхъ враговъ и въ особенности іезуиты, имѣющіе сильныя связи и

вліяніе, наконецъ общее невѣжество приписывало имъ такія дѣла, какія имъ и въ мысль не приходили, напримѣръ вмѣшательство въ политику, стремленіе уничтожить существующій порядокъ, наконецъ тайнымъ обществамъ вредитъ революціонное движеніе во Франціи.

— Ахъ, Бѳже мой, какъ жаль, что ихъ не понимаютъ, какъ слѣдуетъ! Ну, а этотъ Новиковъ? Его, говорятъ, отдавали на судъ митрополиту Платому? Что это такое, я не знаю.

— О, это было еще лѣтъ шесть тому назадъ. И, главнымъ образомъ, изъ за іезуитовъ. Новиковъ сталъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ» печатать исторію ордена іезуитовъ, гдѣ разоблачалъ всѣ ихъ темныя дѣла,— іезуиты нажаловались куда слѣдуетъ. Высшая власть по этому случаю велѣла опечатать всѣ изданныя имъ книги и послать къ московскому митрополиту на разсмотрѣніе, нѣтъ ли въ нихъ ереси и разврата, а самого Новикова испытать въ вѣрѣ. И что жъ бы вы думали, что митрополитъ сказалъ о христіанствѣ Новикова? Онъ отозвался о немъ, гонимомъ и подозрѣваемомъ, какъ истинный служитель Божьей правды! Мы знаемъ слова митрополита Платона, какъ молитву! Онъ сказалъ императрицѣ: «Какъ предъ крестомъ Божіимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что *молю всещедраго Бога*, чтобы не только въ паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и *во всемъ мірѣ были таковые христіане*, какъ Новиковъ!»...

Княжна Таня не выдержала и тихо заплакала, спрятавъ лицо въ руки... Колесниковъ, точно опомнясь,

что не въ мѣру напрягъ нервы дѣвушки, быстро поднялся со стула и, чтобы унять свое волненіе, прошелъ изъ угла въ уголъ.

Въ это время тихо вошла miss Penn въ комнату, возвѣщая, что часы занятій кончены. Княжна поспѣшно отерла слезы, но гувернантка замѣтила ихъ и спросила о причинѣ.

— Такъ... Игнатій Петровичъ читалъ мнѣ очень трогательную исторію... въ литературѣ... отговаривалась княжна.

Miss Penn вопросительно взглянула на учителя.

— Yes, miss, yes!—коротко отвѣтилъ Колесниковъ.

— Very well, very well!—закивала головой съ ласковой улыбкой miss Penn. Колесниковъ простился съ обѣими и вышелъ...

IV.

„Боже мой! Что за чудное сердце, что за свѣтлая головка эта княжна Татьяна Сергѣевна!—думалъ про себя Колесниковп, возвращаясь домой, — какъ она не похожа на всѣхъ, окружающихъ ее. Счастливъ будетъ тотъ, кому она отдастъ свою любовь и сердце... Но будетъ-ли она сама счастлива?

Трудно ей найти партію въ той средѣ, гдѣ она родилась.

Эта непоколебимая честность воззрѣній, эта твердость характера едва-ли будутъ оцѣнены по достоинству, едва-ли не составятъ несчастія въ этой тщеславной и растлѣнной средѣ?

Сколько ни есть у меня учениць и учениковъ, — ни въ комъ я не встрѣчалъ съ такимъ стремленіемъ къ правдѣ и добру: во всѣхъ сидятъ кастовые предразсудки, ни одного не тронешь словомъ истины и добра, или очень не надолго,—а эта сама, какъ птичка на свѣтъ, стремится ко всему честному и высокому.

Удивительное явленіе! Дай, Боже, ей счастья въ въ жизни! Она — масонъ въ душѣ и вполнѣ достойна бѣлыхъ перчатокъ, даваемыхъ масону для передачи своей душевной и достойной подругѣ. Если-бы мнѣ пришлось передать мои перчатки особѣ, хотя въ половину такой свѣтлой и достойной, какъ княжна Татьяна Долинская!"

Игнатій Петровичъ былъ дѣйствительнымъ, посвященнымъ масономъ одной изъ петербургскихъ ложъ и прошелъ уже степень „*аппрантива*", т. е. учащагося, до степени „*компаніона*".

При церемоніи пріема въ масоны ему, въ знакъ чистоты его дѣлъ, вмѣстѣ съ другими аттрибутами масонства, даны были замшевыя бѣлыя перчатки и другая пара дамскихъ. Метръ-Венерабль, предсѣдатель ложи, передавая дамскія перчатки новому члену, сказалъ:

— Фреръ! Вотъ другая пара, которую ты можешь передать любимой и достойной женщинѣ. Она должна обладать масонскими качествами; это дань нашего уваженія къ подругамъ нашимъ, скрашивающимъ намъ жизненный путь, но доступъ имъ самимъ въ ложу закрытъ навсегда. Помни это, фреръ, и не открывай тайнъ ложи даже передъ обладательницею этихъ перчатокъ. Мы ее привѣтствуемъ заочно!..

Съ тѣхъ поръ эта пара бѣлоснѣжныхъ перчатокъ хранилась у Колесникова во всей неприкосновенности въ одномъ изъ потайныхъ ящиковъ, ожидая прекрасныхъ ручекъ „достойной“ подруги масона, которою могла быть и не жена.

Все время, вплоть до того дня, какъ Колесникову надо было идти въ домъ князя Долинскаго, княжна Таня не выходила у него изъ головы. Идя туда, онъ чувствовалъ какое-то необыкновенное, прежде неизвѣстное ему, волненіе.

Съ княжною Таней тоже творилось что-то необыкновенное. Весь тотъ день она была необычайно разсѣяна, невпопадъ отвѣчала на вопросы, и вся была занята мыслью о благотворительныхъ подвигахъ Новиковскаго дружескаго общества. Масоны казались ей людьми необыкновенными, она по нѣскольку разъ передумывала обо всемъ, разсказанномъ Колесниковымъ— и ей самой страстно захотѣлось принять участіе въ ихъ миссіи благодѣтелей человѣчества.

Ея горячая голова быстро заработала въ этомъ направленіи: „Что я такое буду? Какая судьба предстоитъ мнѣ? Выйти замужъ и быть свѣтской барыней, какъ мама, какъ всѣ? Но развѣ есть что нибудь пустѣе и безполезнѣе ихъ жизни, проходящей въ взаимныхъ визитахъ, вечерахъ, танцахъ и сплетняхъ?.. Можно и въ этомъ состояніи дѣлать добро ближнему. Можно, но какое это маленькое, пустенькое добро единичнаго человѣка безъ широкаго и правильнаго устройства разумнымъ обществомъ!.. Но я имѣю, наконецъ, собственное имѣніе, завѣщанное мнѣ бабушкой; выйдя замужъ, я

могу отдать его на дѣла благотворенія въ это общество... А согласіе мужа, который, можетъ быть, даже и не будетъ раздѣлять моихъ взглядовъ?.. Мужа? Но кто-же можетъ быть мнѣ мужемъ изъ тѣхъ, кого я знаю, кого я вижу? Князь Петръ богатъ и знатенъ, но глупъ; князь Никита Зарѣцкій тщеславенъ и пустъ... Всѣ, кого я ни перебираю въ своей памяти,—рѣшительно ко мнѣ не подходятъ: ни я имъ, ни они мнѣ въ радость не будутъ... Есть одинъ, кто мнѣ больше всѣхъ по сердцу, но это такой высокій, умный и гордый человѣкъ, который, можетъ быть, не захочетъ и слышать, чтобы связать свою судьбу съ такой дурочкой и простушкой, какъ я... А съ другой стороны папа съ мамой не захотятъ и слышать о немъ: не пара онъ, буденъ и незнатенъ, я должна сдѣлать по ихнему *партію*,—стать княгиней или графиней или выйдти за богача... Господи, Господи! Развѣ нужно мнѣ все это?"...

Бурей смѣнялись подобныя мысли въ головкѣ княжны Тани; никогда она не чувствовала себя такой стѣсненной, несчастной, ложно поставленной.

„Но я найду выходъ,—лишь-бы только мнѣ увидать дорогу, лишь-бы только меня поддержалъ кто-нибудь сильный".

И опять образъ Игнатія Петровича въ неизъяснимой душевной красотѣ возсталъ передъ воображеніемъ княжны...

Она ждала его съ большимъ нетерпѣніемъ, страстно хотѣла снова его видѣть и какъ будто боялась этого. Куча новыхъ вопросовъ накопилась у нея въ головѣ, одинъ другого интереснѣе и важнѣе, но въ тоже время

ей казалось, что она и рта не раскроетъ передъ нимъ. Съ обоими случилось что-то такое, въ чемъ они сами не могли дать отчета себѣ; это „что-то" не пришло сразу, а подготовлялось давно; оно шло неотвратимыми шагами органической необходимости, непрерываемой логикой событій, свободно развивающихся безъ насилія и давленій..,

Когда ливрейный лакей доложилъ о приходѣ г-на Колесникова, княжна, игравшая на клавесинѣ съ учителемъ музыки, вдругъ сбилась, ошиблась и пошла фальшивить больше и больше. Наконецъ, она остановилась и сказала:

— Довольно! Я устала играть. Надо заняться съ другимъ учутелемъ литературою: это разсѣетъ меня.

— Nün, gut! согласился учитель, собралъ ноты и откланялся княжнѣ.

Проходя въ учебную комнату по залѣ, княжна взгрянула на себя въ зеркало: лицо ея было залито густымъ румянцемъ, глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.

Она остановилась, поправила волосы и съ замираніемъ сердца вошла въ комнату, гдѣ уже сидѣлъ за столомъ Игнатій Петровичъ. Войдя въ комнату, она немного пріостановилась въ дверяхъ; онъ медленно поднялся съ преувеличенно мрачнымъ лицомъ и, поздоровавшись, пожалъ ручку княжны, которая была холодна и дрожала въ его рукѣ.

Онъ замѣтилъ и волненіе княжны, и дрожаніе ручки и неровный голосъ, какимъ она говорила съ нимъ,— и смутился еще болѣе. Княжна тоже замѣтила его сму-

щеніе и какъ-то робко присѣла къ столу, за которымъ учитель сосредоточенно и нервно перелистывалъ книгу какъ будто не могъ отыскать нужной для него страницы.

— Ну-съ, займемтесь, Татьяна Сергѣевна, сегодня поприлежнѣе,—буркнулъ Игнатій Петровичъ, уткнувшись въ книгу.

„Что съ нимъ такое? думала княжна: какой онъ мрачный и сердитый... вѣрно, за мои глупыя слезы прошлый разъ“.

V.

Окончивъ урокъ, во время котораго княжна была очень разсѣяна, хотя и старалась напрячь все свое вниманіе, Игнатій Петровичъ быстро поднялся со стула, точно избѣгая могущихъ возникнуть разговоровъ.

— Такъ скоро?.. Куда-же вы? нерѣшительно спросила княжна, удерживая свою руку въ его,—а я, Игнатій Петровичъ, хотѣла еще кое о чемъ поговорить съ вами... Прошлый разговоръ нашъ такъ много заставилъ меня думать... Если вамъ время есть и я не надоѣла вамъ своими глупыми вопросами, то я просила-бы васъ хоть десять минутъ посидѣть.

Колесниковъ, успокоившійся было во время урока, снова вспыхнулъ и заволновался, хотѣлъ отговориться, отказать,—и не могъ. Не могъ потому, что ему самому страстно хотѣлось подольше смотрѣть на это милое ему лицо, слышать этотъ голосъ. Онъ невольно крѣпко пожалъ ручку княжны и снова сѣлъ, со словами:

— Хорошо! Я могу... Я думалъ, что вы утомились, но, если вы желаете, я съ удовольствіемъ объясню вамъ все, что могу. „Совсѣмъ не то говорю, что хотѣлъ!“ мелькнуло у него въ головѣ, „Богъ знаетъ, что со мною дѣлается, не къ добру это!“...

— Merci, Игнатій Петровичъ, вы слишкомъ добры ко мнѣ, я... я не знаю, какъ и выразить вамъ мою благодарность.

Дѣвушка, видимо, затруднялась и не знала съ чего начать.

— Скажите, Игнатій Петровичъ, могутъ женщины поступать въ масоны?..

Колесниковъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не могутъ никогда. Приняты всѣ мѣры, чтобы ни одна женщина не проникла тайны масонскихъ ложъ.

— Какъ это странно!.. Я думаю, есть много женщинъ, которыя были-бы хорошими дѣятелями въ масонскомъ духѣ. Зачѣмъ-же отъ такихъ высокихъ дѣлъ устранять насъ совершенно?

— Масоны женщинъ не презираютъ, а напротивъ,— очень уважаютъ и даютъ полную возможность содѣйствовать ихъ дѣламъ благотворенія... У нихъ даже есть особый знакъ вниманія и уваженія къ женщинамъ, но объ этомъ не долженъ знать никто изъ „профановъ“, то есть не принадлежащихъ къ братству вольныхъ каменщиковъ.

— Я не смѣю добиваться, чтобы вы открыли эту тайну, но это меня ободряетъ. Я эти дни много думала о себѣ и о своей судьбѣ.

— Вамъ, Татьяна Сергѣевна, предстоитъ завидная и блестящая судьба. Все, что можетъ жизнь дать лучшаго,—все въ вашемъ распоряженіи: и богатство, и знатность, и почетъ...

— Ахъ, Игнатій Петровичъ, я не вѣрю, чтобы вы говорили это серьезно! Вы сами, навѣрное, не думаете, что въ этой блестящей внѣшности и заключается счастье жизни... Развѣ это надо сердцу, душѣ человѣка? Я слышала русскую пословицу: „и черезъ золото слезы льются“, и нахожу, что это очень справедливо. Какъ я ни молода, но мнѣ приходилось видѣть несчастныхъ женщинъ въ самомъ блестящемъ, повидимому, состояніи.

— Но почему-же вы, Татьяна Сергѣевна, думаете, что должны быть несчастны? Ничто этого не предвѣщаетъ, а напротивъ, съ вашимъ умомъ и развитіемъ...

— Ну, какой мой умъ... а если я и понимаю что-нибудь, то этимъ обязана я вамъ, Игнатій Петровичъ: ваши бесѣды и объясненія открыли мнѣ совсѣмъ другой взглядъ на жизнь, заставили все лучше понимать и оцѣнивать. Я вижу теперь всю пустоту жизни, которая мнѣ предстоитъ въ „моемъ кругу“, и не ожидаю для себя счастья отъ этой жизни...

— Откуда у васъ, Татьяна Сергѣевна, такой мрачный взглядъ на ваше будущее? Если мои бесѣды способствовали этому, то я каюсь въ этомъ и считаю итъ преступленіемъ съ моей стороны.

— Ахъ, не говорите такъ! — воскликнула княжна, привставъ и схватясь обѣими руками за руку учителя; Колесникова бросило въ жаръ отъ этого прикосновенія.

— Не говорите такъ, Игнатій Петровичъ! Вы осуж-

даете самое лучшее, что сдѣлали для меня, чего не могли сдѣлать всѣ учителя вмѣстѣ, за что я буду благодарна вамъ до конца жизни... Развѣ это несчастіе— понимать жизнь, стать немного повыше окружающихъ, видѣть подальше и поглубже, чѣмъ тѣ, съ которыми приходится жить?.. Это не мрачный взглядъ на жизнь, какъ вы говорите, а только ясное пониманіе того, что меня окружаетъ. Я съумѣю устроиться такъ, чтобы не быть въ тягость себѣ и другимъ, — у меня для этого хватитъ достаточно характера и рѣшимости,—я въ отца-упряма... Только мнѣ надо помощь, поддержку человѣка, которому-бы я во всемъ вѣрила, на умъ котораго я могла-бы вполнѣ положиться... Игнатій Петровичъ! Будьте для меня этимъ человѣкомъ, не отказывайте мнѣ въ вашей помощи и вашемъ совѣтѣ, чтобы достигнуть всего добраго... Я просила-бы васъ принести мнѣ книгу, гдѣ изложено, какъ жить, чтобы хотя отчасти приблизиться къ качествамъ людей масонскаго общества.

Колесниковъ съ восторгомъ слушалъ искреннюю рѣчь княжны и въ умѣ его проносилось: „Вотъ онъ, истинный сосудъ Божій! Вотъ гдѣ воплотились всѣ три масонскіе девиза: мудрость, сила и красота“... Игнатій Петровичъ всталъ въ сильномъ волненіи и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, сказалъ:

— Татьяна Сергѣевна! Уваженію моему къ вамъ нѣтъ границъ!.. Я удивляюсь вашему уму, стремленію къ добру и, если вы мнѣ приписываете хотя маленькое участіе въ образованіи души, столь прекрасной, то я могу считать себя счастливымъ!.. Нѣтъ, это Богъ, всевышній Зиждитель натуры, создалъ ваше сердце ко благу

вашихъ ближнихъ!.. Если вамъ требуется въ чемъ-би то ни было моя помощь, — располагайте мною, какъ самымъ вашимъ вѣрнымъ другомъ... братомъ, чѣмъ хотите... И мои силы, и самая моя жизнь—въ вашемъ распоряженіи...

Княжна встала, протянула обѣ руки учителю, — тотъ началъ осыпать ихъ поцѣлуями; двѣ-три слезы невольно скатились на ручки княжны... и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ губы дѣвушки горячо прильнули къ его лбу...

Онъ не успѣлъ поднять головы, какъ княжна быстро вышла изъ комнаты, закрывъ глаза платкомъ...

Шатаясь, вышелъ Колесниковъ въ залу, что-то отвѣтилъ на вопросъ miss Penn о здоровьѣ и, торопливо одѣвшись, спѣшилъ выйти на воздухъ, освѣжить пылавшую голову... Сердце усиленно билось; въ вискахъ стучала кровь; дыханіе молодаго человѣка спиралось...

VI.

Молодые люди поняли, что они любятъ другъ друга, но это сознаніе повергло ихъ въ большое затрудненіе. Хотя сердце княжны Тани и замирало отъ удовольствія при мысли, что этотъ умница и высокой души человѣкъ ее любитъ, но на благополучную развязку этой неожиданной исторіи она мало разсчитывала. Конечно, она можетъ настоять на своемъ, почти на крайнія мѣры, но послѣ этого надо разорвать всѣ связи съ семействомъ, стать басней города, скрываться... На

все это у нея хватило бы рѣшимости, но, Боже мой, какъ это трудно!

Наконецъ, она и не была окончательно увѣрена, что эта горячность, невольно выражавшаяся у Игнатія Петровича, есть любовь, — это могла быть минутная вспышка добраго человѣка, видящаго, что другой ищетъ пути къ нравственному улучшенію. Вѣдь онъ—масонъ, а масоны взяли задачей работать для поднятія общей нравственности. Княжна потеряла всякое душевное равновѣсіе; видѣть Колесникова и говорить съ нимъ стало для нея непреодолимымъ желаніемъ, почти страстью. Характеръ ея совсѣмъ перемѣнился: она стала раздражительна; былая веселость ея пропала. Цѣлыхъ пять дней она не могла видѣть учителя, и это было для нея мученіемъ: тысячи сомнѣній терзали ея молодое горячее сердце.

На Игнатія Петровича это открытіе произвело также ошеломляющее дѣйствіе. Онъ не вѣрилъ ни себѣ, ни ей, но сердце, наперекоръ всему, твердило свое. Сколько онъ ни старался увѣрить самого себя, что это не любовь ни съ его, ни съ ея стороны,—онъ все-таки приходилъ къ одному: видѣть ее, говорить съ ней, имѣть ее самымъ близкимъ и задушевнымъ себѣ другомъ,—въ этомъ все счастіе его жизни!..

Но счастіе это оказывалось несбыточно: о бракѣ съ этой богатой и родовитой дѣвушкой нельзя было и думать!..

„Эта неожиданная и неумѣстная любовь,—думалъ онъ,—посылается мнѣ, какъ житейское испытаніе, но я пребуду истиннымъ франкъ-масономъ и подчиню не-

разумную страсть разуму!.. Видѣть княжну—для меня счастіе, но оно отзовется еще большимъ горемъ впереди и для меня, и, пожалуй, для нея... Зачѣмъ я буду увлекаться и увлекать, если изъ этого ничего не можетъ выйти?.. Нѣтъ, надо сразу и съ корнемъ вырвать это заблужденіе сердца, для обоюднаго счастія... Надо отказаться отъ уроковъ въ домѣ князя Долинскаго подъ благовиднымъ предлогомъ"...

По нѣкоторомъ размышленіи Колесниковъ рѣшилъ прежде полнаго отказа попробовать отмѣнить одинъ день урока и съ этою цѣлью въ самый день урока съ утра послалъ письмо княгинѣ Софьѣ Зиновьевнѣ съ извиненіемъ и извѣстіемъ, что не придетъ на уроки.

Княгиня, прочтя письмо, послала его къ Танѣ, которая уже нервно ходила изъ угла въ уголъ въ комнатѣ для занятій, ожидая Игнатія Петровича.

— Вотъ письмо отъ мистера Колесникова,—подала ей извѣстіе miss Penn.

Княжна поблѣднѣла, взяла дрожащими руками письмо, прочла и безсильно сѣла на стулъ, всѣми силами скрывая отъ гувернантки свое волненіе. Письмо осталось у нея въ рукахъ.

— Я думаю, это лучше, что мистеръ Колесниковъ не придетъ,—сказала miss Penn,—его уроки въ послѣднее время очень утомляютъ васъ, а вы, повидимому, не совсѣмъ здоровы.

— Да, миссъ, да... это лучше,—отвѣтила княжна.

Miss Penn вышла; княжна снова перечла письмо, вглядываясь въ строки, въ подпись его, точно желая запечатлѣть ихъ въ сердцѣ. Подъ подписью, въ угол-

ку, находился адресъ Колесникова; княжна быстро списала его въ одну изъ тетрадокъ, а письмо положила на столъ, какъ будто не интересуясь имъ болѣе. Что это значитъ? Почему онъ отказался придти? Дѣйствительно-ли ему нельзя, или ему стыдно за то, что произошло прошлый разъ? Вѣрно, онъ избѣгаетъ меня. —я такая глупая и несдержанная: оба раза подрядъ расплакалась, въ послѣдній разъ... О! я не могу вспомнить безъ стыда послѣдній разъ! Я поцѣловала его... Да и могла-ли я удержаться, когда чувствовала его слезы на своихъ рукахъ! Онѣ капнули мнѣ прямо на сердце. Вѣдь онъ, въ порывѣ своего благороднаго сердца, всѣ силы, даже жизнь свою отдавалъ на жертву, если это мнѣ понадобиться. Но, можетъ быть это и былъ минутный порывъ, и ему теперь стыдно за свое увлеченіе. Все для меня здѣсь мучительная загадка,—я такъ мало знаю жизнь.

Цѣлые два дня княжна Таня, на взглядъ домашнихъ, недомогала, хотя ни на что не жаловалась.

Она даже похудѣла и поблѣднѣла. Придворный докторъ Санхецъ, осмотрѣвъ княжну, по просьбѣ княгини Софьи Зиновьевны, усмѣхнулся и успокоилъ:

— Il n'y a rien... l'âge de puberté... Vous comprenez, princesse... Ce passera.

— Можетъ быть, лучше будетъ прекратить на время занятія дочери съ учителями? спросила княгиня доктора.

— Мм... да, если это ее утомляетъ, то лучше не надолго пріостановить занятія... Вообще, красивая дѣ-

вушка мало потеряетъ, если не будетъ очень учена! пошутилъ докторъ.

Княгиня рѣшила извѣстить всѣхъ преподавателей старшей княжны о пріостановкѣ занятій на мѣсяцъ, по случаю нездоровья ученицы, причемъ имъ посылался полный разсчетъ за старое и деньги за тотъ мѣсяцъ, который они не будутъ заниматься.

Сколько ни протестовала княжна противъ этого, увѣряя, что она совершенно здорова и что занятія даже сдѣлаютъ ее веселѣе,—княгиня настояла на своемъ

Княжна была въ отчаяніи и разныя сумасбродныя мысли начали приходить ей въ голову.

Колесниковъ, получивъ письмо и деньги, былъ нѣсколько шокированъ этой высокомѣрной щедростью княгини и хотѣлъ было послать деньги за мѣсяцъ назадъ, но потомъ разсудилъ, что это значило поссориться съ княгиней Долинской.

«Сама судьба помогаетъ мнѣ въ борьбѣ съ неразумной страстью, подумалъ онъ, этотъ мѣсяцъ нуженъ мнѣ, чтобы окончательно подавить бредъ моего воображенія. Я приду въ себя, ворочу свое самообладаніе и тогда, не расходясь навсегда съ княжной, докажу ей, что все это несбыточно... Впрочемъ, къ тому времени, я надѣюсь, она и сама успокоится и трезвѣе взглянетъ на все»...

Такъ успокоивая себя, Игнатій Петровичъ, борясь съ посѣтившей его сердце молодой страстью, твердо вѣрилъ въ дѣйствительность предпринятыхъ имъ мѣръ, но судьба, какъ увидимъ далѣе, готовила совсѣмъ другую развязку этой исторіи...

Княжна Таня совсѣмъ ушла въ себя, нося на сердцѣ невыясненныя мечты первой любви. Открыться кому нибудь, высказаться она не могла, да никто-бы и не понялъ ее: одни посмѣялись бы, другіе осудили бы; нѣтъ, она не могла ничьего взора допустить до сокровенныхъ тайнъ своего сердца, а оставаться съ нимъ на-единѣ ей стало не подъ силу. Она рѣшилась собрать всю энергію и самой, если судьба становится ей поперекъ дороги, добиться до счастья и душевнаго покоя.

Княжна начала издалека и хитро: стала говорить съ гувернанткой miss Penn, что ей очень скучно безъ занятій, что она почитала бы что нибудь, да не знаетъ что.

— Вотъ, какъ будто нечаянно вспомнила княжна, мистеръ Колесниковъ обѣщалъ мнѣ прекрасную книгу, гдѣ говорится о правилахъ нравственной жизни и о масонахъ,—я съ удовольствіемъ бы прочла эту книгу и вамъ бы стала переводить... но только не знаю, какъ это сдѣлать? Мамаша терпѣть не можетъ масоновъ и черезъ нее мнѣ не получить этой книги... А мы бы отлично проводили вечера съ вами, миссъ...

Простоватая миссъ, сама страдавшая отъ скуки, ухватилась за эту мысль.

— Въ самомъ дѣлѣ: мистеръ Колесниковъ такой умный и ученый человѣкъ; у него должно быть много хорошихъ книгъ, надо послать къ нему за книгой...

— Но какъ же послать? черезъ мамашу не ловко да и нельзя...

— Можно и не говорить объ этотъ княгинѣ...

— Ахъ, что вы! развѣ это можно?

— Отчего-же нельзя? Напишите ему письмо, — я пошлю, ко мнѣ придетъ my nephew (племянникъ), клеркъ въ торговой конторѣ, и принесетъ мнѣ книгу.

— Ахъ, и вправду, миссъ, какъ это хорошо! Милочка миссъ, какая вы умная, что такъ придумали. Сдѣлайте это завтра-же, утромъ, — я сегодня напишу ему письмо.

— Very Well! Я всегда для васъ придумаю, потому что я васъ люблю, говорила польщенная похвалой ея уму англичанка, а княжна расцѣловала ее за такую любезность и пошла писать письмо Игнатію Петровичу.

Съ большимъ трепетомъ и волненіемъ принялась она за это первое ея письмо къ постороннему мужчинѣ, въ которомъ хотѣла высказать хотя отчасти тѣ чувства, что мучатъ ее. Она нѣсколько разъ начинала и рвала письмо; наконецъ, ей кое-какъ удалось написать его.

«Милостивый Государь, Игнатій Петровичъ!—перечитывала письмо княжна,—я очень опечалена прекращеніемъ нашихъ уроковъ, но на это была воля мамаши, ибо она вообразила, что я больна и совѣтовалась съ докторомъ. Я совершенно здорова тѣломъ, но душа моя больна разлукою съ вами: ваши бесѣды мнѣ стали необходимы, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ. Я не могу прожить мѣсяцъ слишкомъ, не поговоривъ съ вами, хотя на письмѣ, и вотъ почему пользуюсь настоящимъ случаемъ и пишу вамъ. Миссъ Пеннъ и я страшно скучаемъ, и я вспомнила ваше обѣщаніе дать мнѣ книгу о масонахъ.

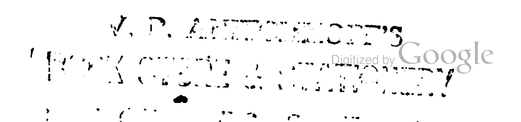
«Изъ расположенія къ вамъ и ко мнѣ, миссъ посылаетъ

это письмо помимо мамаши через своего племянника, ему вы и передайте книгу. Ахъ, Игнатій Петровичъ! Я не знаю, что со мною дѣлается, но отсутствіе ваше мнѣ очень тяжело. Дай Богъ, чтобы я вытерпѣла этотъ мѣсяцъ; но если отсутствіе ваше продолжится и долѣе,— я не знаю, что со мною будетъ... Мнѣ стыдно сознаться, но передъ вами я сдѣлаю это, — мнѣ очень бы хотѣлось увидѣть васъ гдѣ нибудь, хоть мелькомъ. Не придумаете-ли вы сами; вы такой умный. Кажется, мнѣ этого ничего не надо-бы вамъ писать, я, можетъ быть, буду хуже въ вашемъ мнѣніи, но я не могу побороть себя, удержаться отъ этого. Не осудите бѣдную мою голову, которая идетъ кругомъ, и пришлите вмѣстѣ съ книгою хотя нѣсколько вашихъ строкъ, да не такихъ холодныхъ и вѣжливыхъ, какъ пишите вы мамашѣ, а такихъ теплыхъ и откровенныхъ, какъ часто вы говорили со мной. Вы вызвались быть мнѣ *истиннымъ другомъ*,—будьте имъ, и Всевышній Зодчій природы, котораго вы иногда упоминали, наградитъ васъ за это. Сдержите ваше слово...

Письмо показалось княжнѣ и странно, и глупо, но оно было третье или четвертое, — лучше все равно теперь не выйдетъ,—и княжна рѣшила послать его.

Колесниковъ едва только успѣлъ встать въ это утро, какъ къ нему пришелъ его близкій другъ и сотоварищъ по университету, богатый помѣщикъ Словцовъ, масонъ одной съ нимъ ложи «Пламенѣющей звѣзды».

У нихъ шелъ печальный разговоръ о готовящемся разгромѣ масонскихъ ложъ. Хотя масоны и сильны были участіемъ и покровительствомъ многихъ важныхъ

лицъ въ государствѣ, но, однако, ихъ положеніе въ послѣднее время сдѣлалось безнадежнымъ.

Энергично добирались до всѣхъ важныхъ дѣятелей масонства: Новикова, Лопухина, И. П. Тургенева и князя Н. И. Трубецкого. Кромѣ того, Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами въ то время, когда русскій дворъ находился въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ дворомъ берлинскимъ. Въ довершеніе всего перлюстрація, пущенная въ ходъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, подвела Новикова подъ самую большую бѣду, подстроенную ему личнымъ врагомъ его, нѣкогда масономъ его общества, уѣхавшимъ за-границу барономъ Шредеромъ. Этотъ язвительный нѣмецъ, желая погубить Новикова, погубилъ вмѣстѣ съ нимъ и дѣло масонскихъ благотвореній, поставленное на такую прочную ногу,—онъ измыслилъ необыкновенно хитрый пріемъ: сталъ посылать Новикову изъ за-границы письма, гдѣ умышленно приписывалъ масонскимъ обществамъ разрушительныя политическія цѣли. Перлюстрація сдѣлала содержаніе этихъ писемъ извѣстнымъ императрицѣ, и съ этого момента судьба Новикова и масоновъ была рѣшена: ждали только благопріятнаго момента.

Объ этихъ тяжелыхъ временахъ для ихъ общества и шелъ у молодыхъ людей разговоръ, когда въ небольшой квартирѣ Колесникова раздался несмѣлый звонокъ. Старуха прислуга одинокаго Колесникова, его крѣпостная нянька Соломонида, пошла отворить и въ дверяхъ прихожей у нея завелся съ пришедшимъ какой-то споръ. Пріятели прислушались.

— No, no! говорилъ пришедшій съ сильнымъ ино-

страннымъ акцентомъ,—я не могу, мнѣ нужно самъ мистеръ Колесниковъ. Позвольте мнѣ видѣть мистеръ Колесниковъ.

— Игнатій Петровичъ заняты, дайте, я передамъ письмо,—настаивала нянька.

— No, я не могъ.

Колесниковъ растворилъ дверь въ прихожую. Тамъ стоялъ молодой человѣкъ, одѣтый нѣсколько непохоже, какъ одѣваются русскіе, но прилично. Увидѣвъ Колесникова, онъ прямо заговорилъ по англійски:

— Можетъ быть, я имѣю удовольствіе видѣть мистера Колесникова?

— Да, я—Колесниковъ, что угодно?...

— My aunt (моя тетка), миссъ Пеннъ, поручила мнѣ передать это письмо вамъ лично и попросить у васъ отвѣта непремѣнно теперь-же.

Англичанинъ передалъ письмо княжны Колесникову; тотъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы племянникъ миссъ Пеннъ, что живетъ у князя Долинскаго? Прошу покорно въ комнату подождать, пока я прочту письмо и напишу отвѣтъ.

Англичанинъ скинулъ верхнее платье и вошелъ вслѣдъ за Игнатіемъ Петровичемъ въ комнату.

VIII.

Сердце Игнатія Петровича дрогнуло, когда онъ усѣвшись за свой столъ, распечаталъ письмо и узналъ почеркъ княжны. Во время дальнѣйшаго чтенія онъ

то блѣднѣлъ, то краснѣлъ и едва удерживался отъ восклицаній. Его другъ Словцовъ замѣтилъ это необычайное волненіе Колесникова. Дочитавъ письмо, Игнатій Петровичъ нѣкоторое время оставался безмолвенъ; присутствіе постороннихъ мѣшало ему заплакать и расцѣловать это письмо. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, удержалъ волненіе, всталъ и вынулъ изъ шкафа двѣ книги: «Объ истинномъ христіанствѣ» Арндта, въ переводѣ И. Тургенева, и „Божественную и истинную метафизику“ Бема, въ изложеніи англійскаго доктора Портетча, на англійскомъ языкѣ.

— Вотъ передайте эти книги вашей тетушкѣ,—сказалъ Колесниковъ, завернувъ ихъ въ бумагу, а относительно отвѣта скажите, что сейчасъ я не могу писать, а пришлю письмо вашей почтенной тетушкѣ завтра.

— Можетъ быть, мистеръ желаетъ, чтобы я зашелъ за этимъ отвѣтомъ и принесъ его тетушкѣ?—спросилъ англичанинъ.

— Нѣтъ, я самъ пошлю письмо вашей тетушкѣ,— отвѣтилъ Колесниковъ, провожая посланца въ переднюю; у самой двери онъ вынулъ нѣсколько мелочи, чтобы дать молодому человѣку, но тотъ не взялъ денегъ.

— Ну, извините, я постараюсь какъ нибудь иначе отплатить вамъ за услугу, сказалъ Игнатій Петровичъ.

— Какъ ты взволновался, Игнатій,—сказалъ ему Словцовъ, когда Колесниковъ снова вошелъ въ комнату: что эта за англичанка, съ которой ты переписываешься?. Если это не секретъ...

— Какъ тебѣ сказать, Миша... Это и секретъ, и... долженъ быть не секретъ... для тебя, по крайней мѣрѣ...

Въ настоящій моментъ моя душа просто переполнена... Я и удивленъ, и пораженъ, и... просто плакать хочу... Ты видѣлъ, какія я книги послалъ? Пордетча и Бема. Я послалъ ихъ не масону, но такой чистой и высокой душѣ, что дай Богъ всякому масону имѣть такую...

— Однако ты, какъ видно, сильно увлеченъ этой англичанкой. Вѣдь, это ты о ней говоришь? Кто она такая?

— Ахъ, нѣтъ, не объ англичанкѣ!.. Сказать-ли всю правду? Мнѣ надо, Миша, высказаться. Ты мой близкій и испытанный другъ, истинный братъ; можетъ быть Провидѣніе само послало тебя въ эти минуты, чтобы я посвятилъ тебя въ эту тайну, посовѣтовался съ тобою.. Я знаю, ты умѣешь хранить тайны,—ты вольный каменьщикъ въ душѣ.

— Конечно, Игнатій, ты можешь вполнѣ положиться на меня; ты знаешь, что я во всемъ готовъ помочь тебѣ; у меня нѣтъ друга, котораго бы я больше любилъ, чѣмъ тебя...

— Спасибо тебѣ, мой истинный братъ по духу! Именно теперь мнѣ нужна братская поддержка, нравственная помощь, потому что я нахожусь въ сильной душевной борьбѣ съ самимъ собою...

— Ты меня, Игнатій, просто начинаешь приводить въ безпокойство своими словами. Я знаю, что ты увлекающійся и экзальтированный человѣкъ; но здѣсь я чувствую что-то очень важное, гораздо важнѣе всѣхъ твоихъ прошлыхъ увлеченій.

— Да, Миша, ты угадалъ: гораздо важнѣе всего

чѣмъ я увлекался до сихъ поръ; да и не увлеченіе это, какъ я чувствую, а вопросъ жизни. Слушай, братъ мой душевный: я клянусь вотъ этой пламенѣющей звѣздой, эмблемой нашего «востока», открыть передъ тобой свою душу безъ утайки и лжи. Выслушай и суди, но скажи самую истину, то, что подскажетъ тебѣ твое сердце, не бойся осудить меня, если нужно...

Колесниковъ началъ разсказывать Словцову всю исторію своей привязанности къ княжнѣ Долинской: какъ онъ полюбилъ ее сначала только какъ прилежную и понятливую ученицу, какъ она сама часто смущала его своими взглядами, въ которыхъ отражалось чувство болѣе глубокое, чѣмъ интересъ и сочувствіе къ его словамъ. Затѣмъ уроки ихъ незамѣтно стали переходить въ задушевные разговоры о предметахъ, интересующихъ развивающійся бойкій умъ дѣвушки и ея чистую и склонную къ добру душу. Здѣсь Игнатій Петровичъ не пожалѣлъ красокъ для характеристики нравственной личности княжны. Далѣе онъ описалъ два случая, гдѣ ему стало ясно, что и онъ, и она увлечены другъ другомъ, высказалъ свое мнѣніе о несбыточности ихъ мечтаній и сознался въ своемъ рѣшеніи силою воли преодолѣть это «неразумное чувство».

— Но это письмо поразило меня въ самое сердце, заключилъ Игнатій Потровичъ: такъ какъ я открылъ тебѣ все, то прочту и это письмо.

Колесниковъ началъ читать письмо, но на первыхъ же строкахъ голосъ его прервался: слезы остановились въ горлѣ, онъ передалъ письмо Словцову.

— Нѣтъ, не могу! Читай самъ...

Словцовъ сталъ читать письмо вслухъ; когда он кончилъ Колесниковъ тихо плакалъ.

— Нѣтъ, Миша, вѣрно я боленъ, что такъ слабъ. Вѣдь это-же ужасно: не быть въ состояніи нисколько владѣть собой. Мнѣ просто совѣстно за себя передъ тобою, ну, точно баба.

— Помилуй, Игнатій, да ты и меня растрогалъ своимъ разсказомъ до слезъ, отвѣчалъ Словцовъ, — твое чувство къ ней не капризъ, не воображеніе, а глубоко и серьезно, и княжна полюбила тебя отъ всей души. По моему, ни ей, ни тебѣ невозможно принудить себя выбросить эту любовь изъ сердца: вы разобьете себѣ жизнь оба. Слушай, Игнатій! Ты говоришь, что родители ея низачто не отдадутъ ее за тебя,— это вѣрно; но развѣ нельзя, если она тебя глубоко любитъ, сдѣлать это иначе, безъ согласія родителей?

— Похищать? Увозить? Да развѣ это возможно?

— Очень возможно! Вы вырываете свое счастіе у судьбы, которая вамъ неблагопріятствуетъ; отъ этого никто не потеряетъ, а міръ выиграетъ: въ немъ очутится лишняя счастливая пара. Нѣтъ, Игнатій, при всемъ твоемъ умѣ ты сдѣлаешь большую глупость и даже злодѣйство, если начнешь переламывать себя и ее. Она, какъ видно, дѣвушка сильнаго характера, и ея любовь къ тебѣ очень велика. Ты вникни только, сколько сердца и тоски по тебѣ въ этомъ письмѣ.

— Дѣвичье увлеченіе,—возразилъ Колесниковъ, — опомнится и пройдетъ.

— Однако, не проходитъ до сихъ поръ! Ну, да ладно, Игнатій, дѣйствуй, какъ найдешь лучшимъ. толь-

ко знай, что во всемъ я—твой первый помощникъ и ничего не пожалѣю для твоего счастія.

— Спасибо, братъ мой душевный! Дай обнять тебя отъ всего сердца, я вѣрю, что ты говорилъ искренно, можетъ быть, ты и правъ. Я самъ чувствую, что это что-то роковое для меня, вовсе не мимолетная страсть къ красивой дѣвушкѣ, но мнѣ надо много и глубоко обдумать. Сегодня, вечеромъ, я напишу отвѣтъ княжнѣ. Охъ, какъ это трудно!

— Еще разъ говорю тебѣ, Игнатій,—повѣрь своему сердцу, повѣрь ея сердцу, и съумѣй завоевать свое и ея счастіе. Сначала это трудно, но на то ты мужчина, чтобы не останавливаться передъ трудностями для будущаго счастья.

Словцовъ ушелъ, а Игнатій Петровичъ остался въ сильной борьбѣ чувствъ, обдумывая, что онъ напишетъ княжнѣ.

IX.

Игнатію Петровичу не удалось побѣдить свою страсть; за первымъ его письмомъ въ отвѣтъ на письмо княжны послѣдовало отъ нея второе, гдѣ она уже ясно высказала свое чувство къ нему, съ увлекающею простотою и искренностью просила его нравственнаго руководительства въ жизни, которую она хочетъ «устроить по своему», такъ какъ рѣшительно не пойдетъ той дорогой, какую ей готовятъ родители и обстановка.

Колесниковъ увидѣлъ, что дѣло зашло слишкомъ

далеко; повернуть назадъ невозможно и, подбодряемый горячими увѣреніями Словцова, онъ рѣшился тоже искать своего счастья наперекоръ неблагопріятной судьбѣ.

Между двоими влюбленными завязалась переписка; княжна извѣстила Колесникова, что будетъ въ церкви и умоляла его быть тамъ же, чтобы увидѣться и переговорить, если можно, слова два. Она пришла съ младшей сестрой и гувернанткой; Колесниковъ былъ съ другомъ, Словцовымъ. При выходѣ, онъ подошелъ къ миссъ Пеннъ, сказалъ ей два-три учтивыхъ слова, отъ которыхъ та пришла въ восхищеніе, и тотчасъ же обратился къ княжнѣ Танѣ. Гувернантку и княжну Настю началъ занимать Словцовъ.

Въ короткомъ промежуткѣ между выходомъ и отъѣздомъ въ каретѣ молодымъ людямъ надо было переговорить такъ много, что не хватило-бы и дня. Немудрено, что разговоръ ихъ былъ отрывоченъ и безсвязенъ, но полонъ смысла для нихъ.

— Дорогой Игнатій Петровичъ, какъ я рада, что васъ увидѣла! Какъ только замѣтила васъ здѣсь,—на меня нашла охота жарко-жарко молиться Богу и просить его, чтобы онъ помогъ и мнѣ, и вамъ достичь всего хорошаго... Чтобы Онъ указалъ это хорошее и путь къ нему... Спасибо, что пришли сюда... Вы не повѣрите, какъ я тосковала все это время; но съ тѣхъ поръ, какъ получила ваше милое письмо,—я повеселѣла... Мама больше не отложитъ уроковъ, и увѣрена, что эта остановка въ занятіяхъ поправила меня.... Ахъ если-бы она знала правду!.. Какъ это странно: ни въ чемъ худомъ я себя упрекнуть не могу, а должна скры-

вать многое... Впрочемъ, это все не то... я вотъ ужасно рада, что вижу васъ, что скоро мы снова будемъ видѣться два раза въ недѣлю да и не на одну минутку...

Скоро къ паперти подкатила карета Долинскихъ; Словцовъ усадилъ гувернантку и младшую княжну, Колесниковъ Таню. Крѣпко пожимая ему руку и выразительно глядя ему въ глаза, княжна сказала:

— Такъ до перваго урока черезъ недѣлю, мой строгій учитель...

Карета съ громомъ укатила; пріятели остались вдвоемъ.

— Ну, Игнатій, ты нашелъ свое счастье,—отзывался Словцовъ восторженно о княжнѣ,—она не красавица въ строгомъ смыслѣ, но какое у ней милое и честное лицо, какой глубокій взглядъ!.. Да я-бы изъ за такой дѣвушки, если-бъ она меня полюбила, на все-бы рѣшился! На преступленіе-бы пошелъ!..

— На преступленіе?... Ты говоришь, какъ профанъ, не дававшій масонской клятвы и непросвѣщенный свѣтомъ великаго востока. Опомнись, Миша, ты увлекаешься...

— Извини, Игнатій, я дѣйствительно увлекся... Но, ей-Богу, трудно и не увлечься послѣ всего того, что ты о ней разсказывалъ. Я, признаться, Игнатій, удивляюсь: чего ты еще раздумываешь надъ этимъ дѣломъ? По моему—впередъ во чтобы то ни стало!...

— У меня, Миша, натура другая; Великій Зодчій вселенной не всѣхъ одинаково создалъ. Я долго предаюсь внутренней борьбѣ, чувство не скоро укореняется

въ моемъ сердцѣ, но за то послѣ этого испытанія оно овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ, становится для меня святынею на всю жизнь... Я—фанатикъ по природѣ... Однако, я чувствую, что княжна завоевываетъ меня безповоротно, и мнѣ самому становится трудно выносить разлуку съ нею...

— Вотъ такъ-бы давно... Помни, Игнатій, мои слова, что я—твой помощникъ во всемъ, что-бы ни случилось.

— Понимаю и благодарю и во всю жизнь не забуду этой твоей готовности помочь мнѣ...

Молодые люди долго еще разговаривали на эту тему, обсуждая трудности представившагося имъ вопроса. Словцовъ стоялъ за крайнія и рѣшительныя мѣры, не видя мирнаго исхода исторіи; Колесниковъ изыскивалъ средства не компрометирующія, ведущія ко всеобщему удовольствію...

Но прежде всего надо было поговорить съ самой княжной.

День перваго урока послѣ перерыва наступилъ; къ Колесникову съ утра пришелъ Словцовъ, чтобы укрѣпить снова въ чувствахъ своего друга, если онъ опять разстроился какимъ-нибудь размышленіемъ. Но Игнатій Петровичъ былъ веселъ и возбужденъ; въ его туалетѣ, всегда тщательномъ и безукоризненномъ, замѣчалось даже какое-то стремленіе къ щегольству, никогда прежде не проявлявшееся.

— Ого, Игнатій, да я тебя не узнаю: какой ты франтъ!

— Не правда ли Миша, я поглупѣлъ въ послѣднее время! говорилъ Колесниковъ, сконфузясь замѣчаніемъ друга.

— Поглупѣлъ? Нѣтъ, напротивъ: ты начинаешь выходить изъ своей скорлупы затворника-мечтателя, преданнаго заоблачнымъ мечтамъ, и вспомнилъ о землѣ и о земныхъ радостяхъ... Нѣтъ! Я нахожу, что это къ лучшему...

— Ну, полно смѣяться, Миша, я, правда, поглупѣлъ.

— Ахъ, ты моя красная дѣвушка! Ужъ и стыдно!.. Нѣтъ, ты молодецъ, Игнатій: я думалъ тебя снова увидѣть въ меланхоліи, а ты веселъ,—это меня радуетъ..

— Ты думаешь,—я веселъ? Нѣтъ, у меня поджилки трясутся, я самъ себя стараюсь обмануть... И весело мнѣ, и грустно, и легко, и тяжело,—и предчувствія бѣды давятъ мнѣ грудь!..

— Пустое, милый Игнатій, это просто твое воображеніе! Ты—рѣдкій счастливецъ! Тебѣ впереди предстоитъ блаженство съ любимымъ человѣкомъ чудныхъ душевныхъ качествъ.

— Это, Миша, твое доброе сердце говоритъ мнѣ такія заманчивыя вещи. Твоими бы устами да медъ пить!..

Въ домѣ Долинскихъ встрѣтили Колесникова довольно привѣтливо: изъ вѣжловости кое-о-чемъ спросили; онъ тоже справился о здоровьи своей ученицы. Миссъ Пеннъ разсыпалась въ благодарностяхъ за англійскую книгу Цордеча, которую она нашла высокозанимательною.

— Такія книги, мистеръ Колесниковъ, возвышаютъ душу, уносятъ ее на небо. Я въ восторгѣ отъ нея. Я желала бы имѣть такую книгу спутникомъ моей жизни

и читать ее въ трудныя минуты... Ахъ! Ихъ такъ много въ этой жизни!..

— Я, миссъ, тоже не знаю, какъ благодарить васъ за вашу *любезность* (Колесниковъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ), а потому буду счастливъ, если вы примите эту книгу и другую, такую же, въ подарокъ отъ меня!.

— Благодарю, мистеръ, это восхитительный подарокъ для меня! А что касается моей любезности, то вы можете на нее всегда и твердо надѣяться. Я очень люблю княжну и васъ безгранично уважаю...

— О, помилуйте! Вы, можетъ быть, скоро будете обо мнѣ совсѣмъ другихъ мыслей! загадочно кинулъ Колесниковъ и отправился въ учебную комнату.

Княжна долго и крѣпко жала ему руки, глядѣла въ глаза; занятія ихъ плохо клеились: у обоихъ не то было въ умѣ.

Наконецъ, они не выдержали, — разговорились о томъ, что было недоговорено между ними, но обоими по сту разъ передумано со всѣхъ сторонъ.

— Для меня вы составили-бы счастье всей жизни— говорилъ Колесниковъ,—но подумайте: на что вы обрекаете себя!... Я бѣденъ, на доходы съ маленькаго нашего имѣнія живетъ моя сестра, вдова съ дѣтьми, а я имѣю только то, что заработаю.

— Но у меня есть имѣніе, завѣщанное мнѣ бабушкой.

— Мнѣ будетъ стыдно жить на ваши средства, да, наконецъ, вамъ могутъ и не отдать ничего, разъ вы разсоритесь съ семьей. Наконецъ, это разстройство всѣхъ родственныхъ отношеній? Развѣ это не убьетъ васъ?

— Я обо всемъ этомъ передумала. Папу я могу упросить; единственное препятствіе—мама, потомъ другіе родственники. Но это скоро забудется: они примирятся съ этимъ современемъ, — и все пойдетъ по старому.

Въ рѣчахъ княжны слышалась непреклонная воля поставить на своемъ; она нашла свой путь къ счастью въ жизни, и если любимый человѣкъ ее поддержитъ, она пойдетъ къ нему неуклонно.

Игнатій Петровичъ пришелъ въ экстазъ; княжна, слушая его восторженныя рѣчи, склонилась къ нему на грудь, трепеща въ первомъ порывѣ юнаго горячаго чувства, забывъ все на свѣтѣ, не дорожа ничѣмъ, кромѣ возможности всю жизнь провести съ любимымъ человѣкомъ.

X.

Княгиня Софья Зиновьевна Долинская съ нѣкотораго времени стала очень недовольна своей старшей дочерью.

Княжна заразилась какимъ то особеннымъ духомъ: стала очень оригинальна въ мнѣніяхъ, не стѣсняясь ихъ высказывать въ противорѣчіе старшимъ, смѣло спорила съ ними и даже нѣсколько разъ совсѣмъ сконфузила мать при гостяхъ, переспоривая людей пожилыхъ и умныхъ.

На замѣчаніе и головомойки матери княжна Таня

отвѣчала не менѣе дерзко и тѣмъ совсѣмъ вооружила ее противъ себя.

— Слишкомъ умна дѣвченка стала,—говорила съ сердцемъ княгиня мужу,—просто сладу съ ней нѣтъ! Я думаю, не внушаетъ ли ей чего этотъ святоша-учитель? Надо отказать ему.

— Ну, матушка-княгиня, что онъ можетъ внушить?—Онъ такой скромный молодой человѣкъ.

— Знаю я этихъ скромныхъ!—Въ тихомъ омутѣ черти водятся. Онъ выглядитъ сущимъ франкмасономъ, и Таня стала не въ мѣру ханжить съ этой дурой англичанкой.

— Замужъ ее надо выдать, матушка-княгиня, вотъ вся дурь то и выйдетъ. Знамо, дѣвушка на возрастѣ.

— Ничего вы, князюшка, не понимаете! И всѣ дурятъ, да не такъ,—у ней дурь особенная. Узнать бы только—откуда эта дурь ей въ голову набилась?

Гувернанткѣ былъ данъ приказъ почаще и подольше присутствовать на урокахъ княжны, но это ни къ чему не повело: англичанка на всѣ допросы княгини не могла сказать ничего обличающаго. Сама княгиня тоже неоднократно и неожиданно появлялась въ классной комнатѣ, и отношенія ея къ Колесникову стали суше, оффиціальнѣе, приняли оттѣнокъ княжеской спѣси.

Княжну это разбѣсило еще болѣе. Молодные люди рѣшились дѣйствовать энергично и, не ожидая ни въ какомъ случаѣ родительскаго позволенія, повѣнчаться тайно, и уѣхать подальше. Сдѣлать это надо было ловко и искусно, не вызывая ни въ комъ подо-

зрѣній, и въ этомъ рискованномъ предпріятіи самую горячую помощь взялся оказать Словцовъ.

— Вотъ молодецъ, Игнатій! восклицалъ Словцовъ, обнимая друга, вотъ, когда ты поступишь истинно по геройски и вырвешь у судьбы то счастье, въ которомъ она тебѣ отказываетъ!.. Да, ты достоинъ этого счастья!.. Положись во всемъ на меня; я съумѣю все устроить такъ, что комаръ носу не подточитъ.

Вѣрный другъ, дѣйствительно, взялся за дѣло энергично, не жалѣя своихъ денегъ: отыскалъ церковь и священника, согласившагося, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, обвѣнчать пару молодыхъ людей, причемъ предусмотрительно скрылъ отъ него высокое положеніе невѣсты. Хорошее вознагражденіе, данное частью впередъ, сдѣлало священника полковой церкви очень сговорчивымъ, тѣмъ болѣе, что подобные случаи были ему не въ новость.

Надобно было только выбрать и назначить день.

Княжна приложила къ этому всѣ старанія и всю изворотливость своего ума и выдумала очень хитрую штуку.

Не имѣя возможности выѣхать куда-либо одна, безъ гувернантки или кого-либо другаго, княжна воспользовалась поѣздкой къ однимъ изъ родственниковъ, предстоявшей на дняхъ. Предупредивъ Колесникова о днѣ, въ который они должны ждать ее въ церкви, она съ утра въ этотъ день одѣлась пощеголеватѣе и была особенно ласкова съ гувернанткой. Передъ самымъ отъѣздомъ послѣ обѣда она пожаловалась миссъ Пеннъ на легкую головную боль и какую то неохоту ѣхать,

ю поѣхала съ младшей сестрой Настей и гувернанткой.

Отъѣхавъ нѣкоторое пространство, княжна Таня снова пожаловалась на нездоровье.

— Да, вы сегодня что то блѣдны, замѣтила англичанка, и глаза у васъ какъ то лихорадочны. Не воротиться ли домой.

— О, нѣтъ! это пройдетъ. Милочка миссъ, прокатимтесь немного, намъ времени довольно еще. Я открою окно, и мы поѣдемъ подальше, гдѣ есть зелень...

— Отлично, покатаемтесь.

Княжна велѣла ѣхать на ту улицу, гдѣ была назначенная церковь и, завидя ее вдали, сказала гувернанткѣ:

— Дорогая миссъ, мнѣ такъ тяжело на душѣ сегодня, что я хотѣла бы помолиться... Знаете, что дорогая... Вонъ тамъ такая хорошенькая церьковь,—я пойду въ нее помолиться, а вы отвезите Настю къ тетѣ и возвращайтесь за мной. Я помолюсь, отведу душу, буду веселѣе и тогда тоже поѣду къ тетѣ... Да, милая миссъ, вѣдь вы сдѣлаете это для меня?..

— Но... Я не знаю, какъ же это я васъ оставлю однѣхъ?..

— А что-жъ такое? Въ церкви то?.. Вѣдь не больше десяти минутъ,—вы прикажете кучеру поторопиться... Душечка, миссъ, не откажите мнѣ въ этомъ...

Княжна начала цѣловать гувернантку, и та согласилась.

У церкви стояла какая то карета, и два господина разглядывали по сторонамъ. Княжна Долинская вы-

шла, сдѣлала ручкой гувернанткѣ и, сказавъ: «такъ скорѣй же!», направилась спокойно въ церковь. Одинъ господинъ послѣдовалъ за нею, другой остался наблюдать за отъѣзжающей каретой Долинскихъ. Это были двое друзей Словцова, помощники въ рискованномъ предпріятіи.

— Пожалуйте въ верхній этажъ, — пригласилъ княжу послѣдовавшій за нею молодой человѣкъ,—Игнатій Петровичъ тамъ.

Княжна поднялась въ верхнюю церковь,—тамъ уже ждали ее всѣ, и обрядъ вѣнчанія немедленно начался.

Всѣ участники свадьбы были въ страшной ажитаціи, хотя и скрывали это, одинъ только священникъ исполнялъ свое дѣло спокойно и безстрастно.

Когда молодые спускались съ лѣстницы, чтобы сѣсть въ карету и уѣхать въ одно изъ имѣній Словцова, карауливші внизу вбѣжалъ имъ на встрѣчу со словами:

— Скорѣе, господа, скорѣе!.. Карета возвращается.

У княжны, нѣжно передъ этимъ сжимавшей руку Игнатія Петровича, чуть не подкосились ноги отъ испуга, но ее подхватилъ Колесниковъ и почти на рукахъ донесъ до кареты.

— Скорѣй! Во весь опоръ! крикнулъ Словцовъ кучеру, и карета, принявъ молодыхъ, помчалась.

Но гувернантка уже успѣла увидѣть, что ея княжна усѣлась въ карету вмѣстѣ съ Колесниковымъ, и, предчувствуя что то недоброе, закричала кучеру, чтобы онъ догонялъ ту карету. Кучеръ и самъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и ударивъ по лошадямъ. Миссъ Пеннъ, высунув-

шись до половины изъ окна кареты, кричала всѣмъ встрѣчнымъ, чтобы остановили переднюю карету; кучеръ тоже кричалъ: «Держи! Держи карету!» но прохожіе только въ испугѣ пятились при видѣ этой бѣшеной скачки каретъ... Наконецъ, это своеобразное и необыкновенное состязаніе въ быстротѣ каретъ наткнулось на конный полицейскій объѣздъ, который и задержалъ обѣ кареты.

Визжащая гувернантка только сбила съ толку полицейскихъ своими объясненіями. Изъ первой кареты кричалъ Колесниковъ, внѣ себя отъ гнѣва:

— Пустите насъ! Это моя жена!

— Не пускай! Онъ укралъ!.. Миссъ—барышня!—кричала гувернантка, принцесса Долински эта!.. Не пускай!..

— Эфто выходитъ наша барышня, княжна Долинская,—объяснилъ кучеръ,—а эфто учитель ейный, и, значитъ, онъ ее увозомъ хочетъ..

— Ведите всѣхъ къ полиціймейстеру! — рѣшилъ офицеръ, командовавшій объѣздомъ.

XI.

Княжна истерически плакала и металась въ каретѣ, окруженной коннымъ конвоемъ; Колесниковъ утѣшалъ ее:

— Перестань, голубушка! Вѣдь насъ не разлучатъ же! Не отнимутъ тебя у меня ни за что!.. Это—глупое недоразумѣніе по милости дуры-англичанки. Въ полиціи я все объясню,—и насъ тотчасъ же отпустятъ... Подойдутъ свидѣтели, Словцовъ,—они удостовѣрятъ, покажутъ запись,—и все кончится...

— Нѣтъ! Я чувствую, что все это кончится несчастіемъ!.. О, я несчастная!..

— Милая! да развѣ можно такъ падать духомъ?.. Вспомни о той твердости, какая требуется отъ масона и отъ подруги его жизни... Она должна походить на него твердостью духа... Гдѣ-жь твой характеръ?.. Это, первое испытаніе, посылаемое намъ судьбою, надо выдержать геройски...

Полиціймейстеръ, когда прибылъ къ нему этотъ необычайный кортежъ, и когда была разсказана сущность дѣла, не удивился, а немного призадумался надъ важностью случая.

Опросивъ всѣхъ поочередно, такъ же, какъ и подошедшаго Словцова со свидѣтелями бракосочетанія, онъ разсадилъ пока всѣхъ отдѣльно, а самъ тотчасъ же съ гувернанткой и княжной отправился въ домъ князя Долинскаго. Дорогою княжна рыдала и горько упрекала миссъ Пеннъ за ея погоню и учиненный скандалъ. Англичанка тоже плакала, а полиціймейстеръ только кряхтѣлъ и на всѣ просьбы княжны отпустить ее къ мужу твердилъ:

— Не могу, княжна, не могу... дѣло такое казусное вышло... огласилось... какъ рѣшатъ батюшка съ матушкой... Да вы успокойтесь, все обойдется, я надѣюсь.

Князя не было дома, княгиня Софья Зиновьевна сидѣла совершенно спокойно за какимъ то рукодѣліемъ, какъ ей доложили о пріѣздѣ полиціймейстера по очень важному дѣлу. Она встревожилась и вообразила, что ея любимые сынки-гвардейцы что нибудь наскандалили.

— Проси ко мнѣ въ кабинетъ, приказала она лакею.

— Извините, ваше сіятельство, что я потревожилъ васъ не во-время, но... чрезвычайно конфузное дѣло.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? воскликнула княгиня и почувствовала начинающіеся припадки мигрени.

— Ваша дочь... началъ было полиціймейстеръ.

— Какъ дочь?.. Что дочь?... которая дочь? почти набросилась княгиня на полиціймейстера внѣ себя отъ удивленія. Она ждала услышать совсѣмъ другое.—До моихъ дочерей вамъ дѣла нѣтъ! Онѣ въ гостяхъ у тетки.

— Извините, княгиня, одна,—должно быть, старшая,—не въ гостяхъ, а... здѣсь... я привезъ ее.

— Господи! что это такое? упала въ кресло княгиня, окончательно пораженная этими словами.

Полиціймейстеръ разсказалъ княгинѣ все происшествіе и закончилъ:

— Я счелъ за лучшее, прежде всякой огласки, доложить обо всемъ вашему сіятельству для того, чтобы вы распорядились по своему... но по начальству я долженъ сообщить и, вѣроятно, объ этомъ узнаетъ и ея величество.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за любезность, а что касается государыни императрицы, то я сегодня же поѣду во дворецъ, добьюсь аудіенціи и буду жаловаться на этого проклятаго масона.

— Если онъ масонъ, сказалъ полиціймейстеръ, то его дѣло плохо. У насъ есть предписаніе объ арестѣ всѣхъ вожаковъ ихъ.

— Слава Богу! наконецъ то догадались, наконецъ то вырвутъ съ корнемъ эту заразу.

— Да-съ, сударыня въ большомъ сомнѣніи на счетъ ихъ; открылись такія дѣла. Имѣю честь кланяться. Очень жаль, что мой визитъ къ вамъ столь печаленъ, но и счелъ долгомъ...

— О, благодарю васъ, ваше превосходительство.

Полицеймейстеръ уѣхалъ, а княгиня, пылая гнѣвомъ, направилась къ княжнѣ, рыдавшей вмѣстѣ съ гувернанткой.

— Поздравляю съ законнымъ бракомъ, госпожа Колесникова! Желаю вамъ совѣтъ, да любовь! ехидно начала княгиня, что это вы, сударыня, выдумали? Вотъ къ чему привели уроки этого проклятаго масона. Бѣжать изъ родительскаго дома, вѣнчаться съ какимъ то прощалыгой и нищимъ, почти холопомъ!

Княжна вскочила, оскорбленная выраженіями матери.

— Онъ не прощалыга и не холопъ!.. Онъ—мужъ мой, дворянинъ и... лучше всѣхъ вашихъ графовъ, князей и богачей!..

— Вотъ какъ? Такъ онъ успѣлъ уже испортитъ васъ! Не даромъ я не люблю этого тихоню и ханжу. Онъ мужъ вашъ?.. Нѣтъ онъ не будетъ мужемъ вашимъ. Вы вѣнчались незаконно, и я разстрою ваше семейное счастіе. Я не позволю вамъ позорить наше княжеское имя и сегодня же ѣду жаловаться императрицѣ на проклятаго масона. А вы, сударыня, пожалуйте со мной, крикнула княгиня англичанкѣ и, оставивъ дочь одну, ушла съ миссъ Пеннъ, захлопнувъ

дверь. Уведя гувернантку къ себѣ въ кабинетъ и заперши за собою дверь, княгиня приступила къ подробному распросу, какъ это все случилось. Рыдая и прося прощенія за свою оплошность, англичанка разсказала, какъ подвела ея княжна своей мнимой болѣзнью и желаніемъ помолиться.

Княгинѣ было и досадно, и смѣшно, и злость брала на приглуповатую миссъ.

— Ну, миссъ Пенъ, не будь вы такая дура,—вы строго бы отвѣтили за ваше сводничество!.. А теперь я васъ только выгоню изъ своего дома! Вотъ вамъ деньги, тутъ больше, чѣмъ вы заслужили,—и чтобъ сегодня же вечеромъ вашего и духу здѣсь не было!.. Совѣтую вамъ молчать объ этомъ происшествіи,—иначе вамъ будетъ худо... Ступайте!..

— Благодарствуйте... клянусь вамъ, я буду молчать... Я уѣду на родину...

— Это самое лучшее, съ Богомъ...

Оставшись одна, княгиня въ отчаяніи заломила руки передъ образомъ, и на ея всегда гордомъ, съ высокомѣрнымъ выраженіемъ на лицѣ, показались слезы обиды и оскорбленной гордости. Но это было недолго. Она оправилась и стала одѣваться.

XII.

Въ эрмитажѣ зимняго дворца было обыкновенное вечернее собраніе приближенныхъ къ императрицѣ лицъ.

Нѣсколько комнатъ были заняты собравшимися-

Сама Екатерина въ домашнемъ платьѣ сидѣла за столомъ и играла въ „Трантелева“ (trente-elle va), карточную игру, бывшую тогда въ ходу; около играющихъ сидѣли и стояли нѣсколько зрителей; рядомъ съ императрицей сидѣла и наблюдала за игрой ея любимая камеръ-юнгфера Марья Савишна Перекусихина. Иные изъ гостей сидѣли на диванахъ и креслахъ, занимаясь разговорами, иные ходили или разсматривали картины и рѣдкости.

Любимецъ императрицы Платонъ Александровичъ Зубовъ, въ бѣломъ парикѣ и красномъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ и каменьями, разбиралъ, чистилъ щеточкой и приводилъ въ порядокъ великолѣпную коллекцію драгоцѣнныхъ каменьевъ; около него тоже собралось нѣсколько любопытныхъ, которымъ онъ показывалъ рѣзные камни, объяснялъ ихъ достоинство и рѣдкость, а также и сюжеты, вырѣзанные на лазури, сердоликахъ, яшмѣ, топазахъ и другихъ цвѣтныхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ.

Между гостями появилась княгиня Софья Зиновьевна Долинская съ сильно разстроеннымъ лицомъ. Подойдя къ императрицѣ, она сдѣлала глубокій придворный поклонъ и, поцѣловавъ милостиво протянутую ей руку, сказала:

— Ваше величество! у меня случилось несчастіе, я прошу защиты и суда вашего величества...

Екатерина положила карты, быстро обернулась къ княгинѣ и спросила:

— Что такое, матушка Софья Зиновьевна, случилось у тебя? Чѣмъ могу помочь? разскажи.

— Если-бъ я осмѣлилась попросить ваше величество на нѣсколько минутъ разговора отдѣльно...

— Да что, развѣ очень спѣшно тебѣ, княгиня?

— Я могу подождать, ваше величество, пока вы кончите играть...

— Ну, ужъ какая тутъ игра! встревожила ты меня. Пойдемъ. Марья Савишна, играй тутъ за меня, пока я съ княгиней поговорю...

Приведя княгиню Долинскую въ уединенную комнату, Екатерина сѣла на софу и пригласила сѣсть и княгиню.

— Ну-ка сядь, разскажи, что у тебя за горе?

Вмѣсто того, чтобы сѣсть рядомъ съ императрицей, княгиня со слезами опустилась на колѣни.

— Ваше величество! у меня украли дочь... Учитель... масонъ... тайно обвѣнчался съ моей старшей дочерью...

Государыня встревожилась и вспыхнула.

— Встань, Софья Зиновьевна! — сказала она, поднимая за руку княгиню,—успокойся, да разскажи толкомъ, что такое? Какой-такой масонъ дочку увелъ?...

Княгиня, всхлипывая, — она не могла уже дольше сдерживать свое волненіе и обиду, которыя она отъ всѣхъ прятала,—разсказала императрицѣ все приключеніе.

Государыня ахала и охала при разсказѣ и преисполнялась гнѣва противъ масона, похитителя княжны...

— Какой срамъ нашей фамиліи, ваше величество!... Князья Долинскіе никогда не опозоривали своего герба мезальянсомъ... И вѣдь какой ханжой и тихоней втерся

въ домъ этотъ масонъ и совсѣмъ развратилъ дѣвушку,—вбилъ ей въ голову свои безбожныя мысли...

— О! я знаю! они всѣ таковы, эти „мартышки"!.. Какое зло происходитъ отъ этихъ нелѣпыхъ обществъ! Теперь я догадалась ихъ сократить. Успокойтесь, княгиня, я постараюсь все это дѣло поправить. Ты говоришь, что ихъ прямо изъ церкви поймали? Хорошо, я велю это дѣло разузнать и уничтожить бракъ, если можно. А масона и его приспѣшниковъ я велю пристращать хорошенько,—онъ у меня улетитъ подальше. Будь покойна, княгиня, велю сдѣлать это въ тайности, потише, чтобы меньше было разговору.

Княгиня снова опустилась на колѣни предъ императрицей и осыпала поцѣлуями ея руку, благодаря за Высочайшую милость. Екатерина хлопнула въ ладоши; на этотъ зовъ явился ея любимый камердинеръ Михаилъ Ивановичъ Тюльпинъ.

— Позови ко мнѣ секретаря Александра Васильевича Храповицкаго, приказала государыня,— вели ему пройти въ маленькій кабинетъ... Ну, такъ вотъ, княгиня, поѣзжай домой, я сейчасъ обо всемъ распоряжусь, будь покойна... Ахъ, онъ негодяй-мартышка!..

Въ сильномъ негодованіи, съ раскраснѣвшимся лицомъ, прошла императрица боковыми комнатами въ маленькій кабинетъ, гдѣ уже ждалъ ее съ бумагой и перомъ ея фактотумъ и секретарь Храповицкій, стихотворецъ, корректоръ ея сочиненій и составитель извѣстныхъ „Записокъ" о времени его секретарствованія при особѣ ея величества.

Княгиня Софья Зиновьевна. отерши глаза и при-

нявъ выраженіе поспокойнѣе, прошла черезъ всѣ комнаты эрмитажа и уѣхала въ каретѣ домой.

— Что это какъ захлопоталась наша всемилостивѣйшая, замѣтилъ одинъ изъ партнеровъ на долгое отсутствіе императрицы, и о картахъ забыла.

— У нея, батюшка, не съ твое заботы-то, отвѣтила Марья Савишна Перекусихина, ты вотъ пьешь да ѣшь, да забавляешься на всѣ манеры; разноситъ тебя во всѣ стороны; а она, наша матушка, встанетъ-то въ шесть часовъ да никого и будить не хочетъ... все забота...

— Браво, Марья Савишна! воскликнулъ подошедшій въ это время оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, большой шутникъ и каламбуристъ, вы его на словахъ разносите еще сильнѣе.

— Экъ ты, батюшка, разнеся, зажала уши Перекусихина, обращаясь къ Нарышкину, кричишь точно на лошадей!..

Кругомъ раздался смѣхъ при этомъ намекѣ на должность оберъ-шталмейстера, и Нарышкинъ, не желая ссориться съ любимицей императрицы, сильной своимъ вліяніемъ, отшутился, какъ могъ, и поспѣшилъ отойти.

— Не знаете-ли, Марья Савишна, что такое случилось съ княгиней Долинской? спрашивали Перекусихину партнеры, но и она, знавшая изъ первыхъ все и вся изъ свѣтскихъ сплетенъ и приключеній, не могла отвѣтить на вопросъ.

Императрица вышла изъ кабинета, куда былъ потребованъ и Платонъ Зубовъ для совѣщаній, только къ ужину и видимо разсерженная и разстроенная. Всѣ тоже притихли, и даже Левъ Александровичъ Нарыш-

[illegible] послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ раз[illegible]шить императрицу, замолкъ и усердно занялся [illegible]ребленіемъ индѣйки, запивая ее виномъ. Только [illegible]нъ Зубовъ съ дѣтской беззаботностью продолжалъ [illegible]казывать новому статсъ-секретарю Державину о [illegible]ъ каменьяхъ.

XIII.

[illegible]ріѣхавъ изъ дворца, княгиня освѣдомилась, дома [illegible] князь? и, получивъ въ отвѣтъ:

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство, еще не пріѣ[illegible]и-съ... прошла прямо къ себѣ и спросила о княжнѣ. [illegible]чная изъ дворовыхъ, которой было поручено [illegible]ѣть за княжной, отвѣтила:

— Онѣ плачутъ-съ. Оченно просили васъ повидать [illegible] князя... А Настасья Сергѣевна привезены домой и [illegible].

— Не пускать ни ко мнѣ, ни къ князю.

[illegible]очью пріѣхалъ князь Сергѣй Иринеичъ изъ гостей [illegible]дивленный, что на половинѣ княгини еще свѣтъ, [illegible]ъ прямо къ себѣ въ кабинетъ-спальню.

[illegible]амердинеръ встрѣтилъ его съ растерянной физіо[illegible], невпопадъ отвѣчалъ на вопросы, такъ что, на[illegible], князь спросилъ:

— Да что съ тобой, Андрей? Или опять отъ кня[illegible] попало?

— Никакъ нѣтъ... У насъ несчастіе...

— Что за несчастіе? Умеръ кто? заболѣлъ?..

— Нѣтъ-съ... Княжна старшая, Татьяна Сергѣевна...

— Что-о?—зарычалъ князь, такъ что камердинеръ съ испуга даже попятился, но въ это время въ сосѣдней комнатѣ зашуршало шелковое платье княгини, и раздался ея голосъ; она говорила по французски:

— Князь, вы не спите еще?

— Нѣтъ, матушка! Что у васъ тутъ такое? Болтаетъ что то Андрей неподобное... несчастіе какое то...

Княгиня вошла въ кабинетъ, велѣла камердинеру удалиться и, затворивъ плотно дверь, стала разсказывать князю происшествіе этого дня.

Князь, у котораго немного шумѣло въ головѣ, даже отрезвѣлъ совсѣмъ и, тяжело дыша, опустился на широкій диванъ.

— Не можетъ быть!.. Господи! до чего мы дожили...

— Да, князь, и въ этомъ часть вины падаетъ на васъ. Я давно замѣчала, что этотъ проклятый масонъ портитъ Таню и вбиваетъ ей въ голову дурныя мысли, а вы все заступались...

— Да чортъ же его могъ разобрать!.. Боже мой, Боже мой! что же теперь дѣлать?...

— Теперь надо поправлять нашу собственную оплошность. Я была у Императрицы, упала къ ея ногамъ и просила защиты и наказанія этому негодяю.

— Какъ?.. Вы это сдѣлали? Зачѣмъ вы это сдѣлали?.. Отчего вы не посовѣтовались со мной прежде?

— Гдѣ же мнѣ было искать васъ? Да, признаться я и не находила нужды въ вашемъ совѣтѣ. Дѣло ясное, и что тутъ начать — тоже ясно. Надо было дѣйствовать по горячимъ слѣдамъ, пока это не распростра-

нилось по городу, пока не стали показывать на насъ пальцами.

— Да, но все-таки зачѣмъ же такъ круто? Вѣдь это дѣло касается не украденной вещи, вѣдь это же дочь наша! Что же она такое дѣлать будетъ? Вѣдь надо же ее отдать мужу?

— Мужу? какому мужу? прощалыгѣ, нищему, масону?.. У нея нѣтъ мужа! Она вѣнчалась незаконно, безъ документовъ, — этотъ бракъ не дѣйствителенъ и будетъ уничтоженъ. Мнѣ обѣщала это Императрица, и будетъ такъ!..

— Неужели ты объ этомъ просила Государыню?

— А что жъ вы думали? Не по вашему ли: тронуться слезами шалѣной дѣвченки, самому разревѣться и на вѣчный срамъ и позоръ роду протянуть руки и благословить, — «ну, молъ, Богъ съ вами! Живите да радуйтесь!»

— Ну, какой же такой особенный позоръ роду? Онъ дворянинъ и...

— Князь! Вы положительно не въ своемъ умѣ! почти закричала на него Софья Зиновьевна. Вы сами не знаете, что говорите! Я очень рада, что все это обошлось безъ васъ: вы напутали бы со своею глупой слабостью къ этой дѣвченкѣ... Но теперь все сдѣлано, и вамъ не испортить того, что начато.

Князь застоналъ, откинувшись назадъ.

— О-о-охъ, княгиня! Сердца въ насъ нѣту... а одно дьявольское честолюбіе!..

— Вы, я вижу, хмѣльны и хотите ругаться. Я ухожу и прошу васъ, хотя въ этомъ то случаѣ, когда вы же-

стоко оскорблены, держать себя съ дочерью достойно и не давать воли своей слабости.

Княгиня ушла; князь какъ сидѣлъ, откинувшись на подушку дивана, такъ и остался, тяжело дыша. Самыя разнородныя чувства волновали его.

Пришедшій камердинеръ долго ждалъ приказа раздѣвать барина, но наконецъ рѣшилъ прервать это полулетаргическое состояніе князя.

— Ваше сіятельство, прикажете снять сапоги?

— А?.. Сапоги? Да, да... принеси мнѣ холодной воды, лимонъ и сахару...

Черезъ полчаса все въ домѣ утихло; князь и княгиня не спали и ворочались въ своихъ постеляхъ; княжна Таня, наплакавшаяся и наволновавшаяся за весь день, была сморена, наконецъ, усталостью и легла на постель, не раздѣваясь, сколько ни упрашивала ее горничная.

Какъ ни была огорчена княжна, все-таки она надѣялась, что эти непріятности временныя, все уладится: за нею придетъ ея мужъ, законный мужъ, и *вытребуетъ ее* отъ родителей. Хорошо, что она успѣла повѣнчаться; теперь поздно: какъ ни злится княгиня, а должна же будетъ отдать ее мужу. Угрозу ея о расторженіи брака княжна хорошо не поняла и считала просто застращиваньемъ, словомъ, сказаннымъ въ раздраженіи. Княжна крѣпко заснула напослѣдокъ, но и во снѣ всхлипывала и вздыхала.

Однако, исходъ этого дѣла былъ гораздо хуже, чѣмъ думала княжна, и этотъ первый ея рѣшительный шагъ принесъ ей годы страданія и навсегда разбилъ ея жизнь.

XIV.

Колесниковъ, Словцовъ и всѣ участники свадьбы, очутившіеся прямо изъ церкви подъ арестомъ, разсаженные всѣ отдѣльно, сильно пріуныли. Они чувствовали, что имъ это даромъ не пройдетъ. Колесниковъ хотя и крѣпился, но полное отчаяніе подступало къ его душѣ. Его мучила неизвѣстность не своей судьбы, а судьбы княжны, которую онъ если не погубилъ, то заставилъ невыразимо страдать... Что съ нею будетъ? Что съ нею теперь?.. Какъ ее теперь мучаютъ родные изъ за него?..

Эти мысли приводили его въ отчаяніе, и онъ, отягченный ими, упалъ наконецъ на соломенную подстилку наръ и горько-горько зарыдалъ.

«Господи! дай силъ ей и мнѣ перенести это несчастіе!—взывалъ онъ въ тѣсныхъ и сырыхъ стѣнахъ каземата, — если минетъ все это, если повернется къ лучшему, если суждено намъ соединиться, — я всю жизнь мою посвящу ей, чтобы искупить эти страшные дни душевнаго мученія, незаслуженнаго, напраснаго, виною котораго я, и только я... Гдѣ былъ мой умъ? Отчего онъ не восторжествовалъ надъ сердцемъ, этимъ глупымъ и разнузданнымъ сердцемъ человѣка, неумѣющаго сдержать страсти!»..

Такъ бичевалъ себя Игнатій Петровичъ въ минуты овладѣвшаго имъ горя, но черезъ нѣсколько мгновеній опомнивался, старался собраться съ духомъ, представить себѣ все въ болѣе и болѣе утѣшительномъ видѣ,

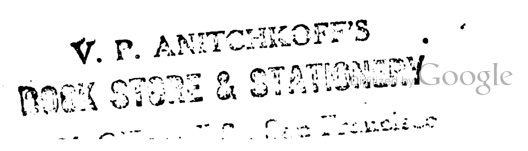
отогнать гнетущую мысль о какомъ то грядущемъ несчастіи, грозно и неотступно надвигающейся на него бѣдѣ.

Въ маленькомъ оконцѣ камеры стало темно; засовъ двери завизжалъ, и въ камеру вошелъ мрачнаго вида солдатъ съ хлѣбомъ и водою, засвѣтилъ масляный ночникъ и снова ушелъ. Колесниковъ понялъ, что ему придется ночевать здѣсь и что судьба его если рѣшится, то не ближе слѣдующаго утра.

«Хороша брачная ночь!—размышлялъ онъ, сидя на жесткихъ нарахъ, — хорошо свадебное пиршество! — Слезы и отчаяніе у нея, затхлый хлѣбъ и вода въ казематѣ у меня... И сколько добрыхъ друзей страдаютъ изъ за меня!.. Что съ ними? сидятъ ли они, или выпущены на свободу?»... Больше всего мучила Колесникова неизвѣстность о судьбѣ столькихъ людей, вовлеченныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ бѣду...

Игнатій Петровичъ наконецъ заснулъ на своемъ арестанскомъ ложѣ тяжелымъ безпокойнымъ сномъ...

На другой день утромъ въ полиціи уже былъ полученъ указъ отъ имени Государыни по дѣлу о похищеніи дочери князя Долинскаго. Велѣно было священника, совершавшаго вѣнчаніе, послать въ строгій монастырь, «подъ началъ, на смиреніе» на полгода, свидѣтелей, буде не масоны, допросивъ, выдержать подъ арестомъ по мѣсяцу и отпустить, Колесникова допросить сначала въ полиціи, затѣмъ отослать къ Степану Ивановичу Шешковскому, начальнику тайной экспедиціи, для допроса по предмету его принадлежности къ тайному обществу и для надлежащаго наказанія.

Листъ въ метрической книгѣ, гдѣ записано вѣнчанье Колесникова, яко незаконное, вырвать и обязать молчаніемъ причтъ церкви о семъ, нелестномъ для нихъ происшествіи.

— Вотъ какъ скоро повернули!—сказалъ полиціймейстеръ, видно и въ самомъ дѣлѣ княгиня то принесла вчера жалобу императрицѣ!.. Чудесно намъ легче легче разсуждать да соображать, а дѣйствуй по предписанію...

— Однако этотъ Колесниковъ важность какую-нибудь за собой имѣетъ, коли его къ Шешковскому велѣно отослать.

— Масонъ,—вотъ и важность!.. Изъ Москвы получено извѣстіе, что тамъ арестованъ Новиковъ и всѣ главные вожаки масоновъ. У насъ тоже переборка идетъ...

Проснулся Колесниковъ съ тяжелой головой и печальнымъ сердцемъ. «Я все еще здѣсь,—были первыми мыслями его,—что же дальше будетъ?.. Чѣмъ я согрѣшилъ? Я позабылъ указанную дорогу во слѣдъ Христу. Въ «Катехизисѣ истинныхъ франкъ-масоновъ» сказано въ шестомъ отвѣтѣ, что послѣдованіе Христу заключается въ «молитвѣ, *упражненіи воли* своей, въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и *умерщвленіи чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ*».

«А я поддался страсти къ женщинѣ!.. Преступивъ это правило, я преступилъ и другое: «Истинный франкъ-масонъ долженъ совершать свою работу посреди всего міра, *не прилагаясь сердцемъ къ суетамъ его*, и въ томъ состояніи, въ которое каждый призванъ»...

«Да я ошибался, когда думалъ, что достоинъ званія франкъ-масона! — я слабый духомъ «профанъ», недостойный принять участіе въ воздвиженіи храма Соломонова въ сердцахъ людей!..»

Эти мысли Колесникова были прерваны громомъ двернаго замка, визгомъ отодвигаемаго засова и появленіемъ сторожа, за которымъ шелъ плохо выбритый красноносый чиновникъ, а за нимъ два драгуна остановились за дверью камеры въ корридорѣ.

— Дворянинъ Игнатій Петровъ Колесниковъ по высочайшему именному указу препровождается въ тайную экспедицію для допроса. Вы Колесниковъ?

— Я Колесниковъ. Зачѣмъ меня въ тайную экспедицію?..

Чиновникъ скорчилъ насмѣшливую гримасу.

— Вопросъ вашъ довольно глупъ, государь мой,— сказалъ онъ,—на то есть высочайшая воля, и ни вамъ, ни мнѣ разсуждать не приходится. Пожалуйте.

«Вотъ онъ—начинается мой крестный путь,—мелькнуло въ головѣ Игнатія Петровича.—«Искупитель, котораго оскорбляли на этомъ пути, поддержи меня!»..

Въ корридорѣ ему отдали шинель и проводили внизъ до подъѣзда, гдѣ ждала его закрытая карета. Онъ сѣлъ въ нее одинъ; два драгуна съ саблями на голо поѣхали по бокамъ ея, и печальный экипажъ покатилъ по улицамъ, невѣдомо куда, на встрѣчу невѣдомой судьбѣ, готовящейся молодому человѣку, еще не приложившему устъ къ упоительной чашѣ земныхъ удовольствій.

XV.

„Ну, теперь хоть чѣмъ-нибудь разрѣшится эта неизвѣстность"— думалъ Игнатій Петровичъ въ темнотѣ кареты,— „однако это отзывается чѣмъ-то тяжелымъ. Ужъ не заподозрили-ли меня въ чемъ-нибудь болѣе преступномъ? Но я чистъ отъ всякаго другаго проступка, и это скоро разъяснится"—утѣшалъ онъ себя.

Темная карета гдѣ-то остановилась; дверцу отворили, Игнатій Петровичъ увидѣлъ себя на какомъ-то дворѣ казарменнаго характера; его ввели въ подъѣздъ, провели по полутемнымъ корридорамъ, и снова отворилась передъ нимъ толстая дверь какого-то каземата, куда и ввели его. Дверь захлопнулась и заперлась замкомъ снаружи, и снова онъ очутился въ полумракѣ темницы.

„Что же это такое? Изъ тюрьмы—въ тюрьму. Когда же наконецъ меня допрашивать станутъ или судить?"..

Колесниковъ, сѣвши на соломенную постель оглядѣлъ свою камеру; она была сыра, со сводчатымъ потолкомъ; маленькое оконце съ рѣшеткой помѣщалось высоко. Онъ сталъ прислушиваться ко всякимъ звукамъ извнѣ, шагомъ въ корридорѣ, звяканью засововъ и ключей, ежеминутно ожидая, что за нимъ придутъ для допроса. Но тянулись цѣлые часы, казавшіеся ему днями, а къ его двери никто не прикасался. Безмолвный сторожъ принесъ обѣдъ: какую-то жидкую похлебку изъ капусты, хлѣбъ и воду...

На Колесникова напала какая-то дикая тоска, онъ заплакалъ, потомъ дико завылъ, потомъ вскочилъ и

бросился на дверь и началъ, крича, бить ее руками и ногами, самъ не понимая, что онъ дѣлаетъ!.. Въ маленькомъ наблюдательномъ отверстіи отодвинулась задвижечка, чей-то глазъ показался тамъ.

— Эй, слышь, не балуй!.. Кандалы навяжу! — послышалось изъ дырки.

Въ бѣшенствѣ Колесниковъ схватилъ краюху хлѣба и швырнулъ въ отверстіе. Окошечко захлопнулось, краюха упала на полъ, а заключенный въ изнеможеніи упалъ на постель и истерически зарыдалъ.

Никто и ничего не откликнулось на этотъ безсильный взрывъ... Узникъ лежалъ, разбитый нравственно и физически, на соломѣ, и полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ смѣнило прошедшее возбужденіе. Это была реакція послѣ нѣсколькихъ дней напряженія нервовъ.

О новомъ заключенномъ при тайной экспедиціи какъ будто совсѣмъ забыли: онъ сидѣлъ уже два дня, а его все не требовали къ допросу.

Степанъ Ивановичъ Шешковскій, гроза екатерининскаго времени, главный слѣдователь тайныхъ политическихъ дѣлъ, человѣкъ, подъ мягкой и добродушной наружностью скрывавшій самую лютую жестокость и нерѣдко собственноручно наказывавшій допрашиваемыхъ, получилъ насчетъ Колесникова особыя инструкціи, къ коимъ были присоединены инструкіи и вообще о масонахъ, Новиковѣ, Лопухинѣ и другихъ, арестованныхъ въ Москвѣ.

Дѣло ему предстояло не маленькое: ожидались ужасныя разоблаченія политическаго, антиправительственнаго свойства, и потому Ушакову екатерининской эпохи

надо было освоиться, оріентироваться въ этомъ дѣлѣ.

Онъ даже началъ читать масонскія книги и тамъ, между строкъ, улавливать крамолу.

Требованіе кого нибудь къ Шешковскому производило ужасное впечатлѣніе: о немъ ходили самые мрачные слухи и разсказы, и попасть въ его руки боялся всякій. Многіе, даже изъ весьма высокопоставленныхъ лицъ, на себѣ испытали жестокость Степана Иваныча.

Екатерина Великая, отмѣнившая повсемѣстную пытку, сохранила ее для тайной экспедиціи, хотя и не въ тѣхъ ужасныхъ затѣйливостяхъ, какія существовали во времена Петра Великаго и Анны Іоанновны.

Всесильный Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ, иногда шутилъ надъ его ролью жестокаго допросчика и кидалъ мимоходомъ: „Каково, Степанъ Ивановичъ, кнутобойничаешь?“ на что Шешковскій, низко кланяясь, раболѣпно отвѣчалъ: „Помаленьку, ваша свѣтлость, помаленьку!“

Колесниковъ зналъ, что такое за личность Шешковскій; ему припомнились слышанные имъ разсказы объ этомъ человѣкѣ, и положеніе его въ собственныхъ его глазахъ стало казаться хуже. Шешковскому отдавали только очень важныхъ преступниковъ; что-же такое числится за нимъ? Неужели самовольное вѣнчаніе съ дѣвушкой, хотя и знатной, такое преступленіе? Въ вѣкъ добродушной Екатерины такія дѣла сходили легко

Что-же такое? Игнатію Петровичу въ его уже немного разстроенномъ воображеніи казалось, что Шешковскій играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышкой: что это долгое непризываніе его къ допросу есть только

коварная отсрочка, чтобы узникъ измучился нравственно сначала, а потомъ онъ и налетитъ на него со всею своею хитростью и сообразительностью, пуститъ въ ходъ всѣ средства, чтобы допрашиваемый смѣшался, сбился и даже напуталъ на себя и другихъ. Старинное судопроизводство такъ любило путаницу, гдѣ приплетено много лицъ!

Если Шешковскій дѣйствительно такъ разсуждалъ, держа Колесникова въ неизвѣстности о своей судьбѣ и предавъ его на жертву мрачнымъ мыслямъ и сомнѣніямъ, то онъ разсчиталъ хорошо относительно натуры Игнатія Петровича. Отъ рожденія съ тонкой и легко возбуждаемой нервной системой и пылкимъ воображеніемъ, онъ мучилъ и терзалъ себя до потери разсудка.

Мысль о княжнѣ Танѣ, о его женѣ, съ которою онъ не прожилъ и получаса, и о друзьяхъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ, была наиболѣе болѣзненна изъ всѣхъ.

Колесниковъ, дѣйствительно, находился въ ужасномъ нравственномъ состояніи и былъ близокъ къ помѣшательству.

XVI.

Черезъ трои сутки дверь камеры Колесникова загремѣла и отворилась; его вывели въ корридоръ и дворомъ повели въ другой подъѣздъ. Выйдя на воздухъ, Игнатій Петровичъ зашатался, въ глазахъ его потемнѣло и онъ чуть было не упалъ, если-бы его не поддержали сопровождавшіе солдаты.

— Куда? Куда еще ведете? слабо спросилъ онъ [illegible].

— Къ ихъ превосходительству, къ Степану Ивановичу.

«Слава Богу!» вздохнулъ Колесниковъ.

Его ввели въ большую комнату. Въ глубинѣ, противъ окна, сидѣлъ сѣдой средняго роста старикъ, гладко выбритый; быстрые и проницающіе глаза внимательно смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей на пришедшаго. Оставивъ узника около двери, сторожа удалились и затворили дверь.

Колесниковъ остался около двери, не двигаясь впередъ.

— Подойдите ближе, послышался голосъ сидѣвшаго за столомъ старика.

Колесниковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; голова его кружилась.

— Ближе! Еще ближе! Хороши! Прямо изъ-подъ вѣнца! Забыли и переодѣться! Хорошій женихъ! Только кусокъ-то вы не по горлу выбрали, вотъ и плохо вышло!

Колесниковъ оглянулъ свой костюмъ: дѣйствительно, онъ былъ въ коричневомъ фракѣ съ крупными металлическими пуговицами, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками и въ кружевномъ жабо и манжетахъ. Но все это было покрыто пылью и грязью, из[illegible]. Колесниковъ ничего не отвѣтилъ на ядовитое замѣчаніе Шешковскаго и стоялъ, опустивъ глаза и слегка пошатываясь.

— Сядьте, поговоримте. Вы должны для собствен-

ной пользы отвѣчать съ полной откровенностью. Вы принадлежите къ тайному сообществу вольныхъ каменщиковъ?

— Принадлежу. Въ этомъ до сихъ поръ не было преступленія.

— Не перебивайте. До сихъ поръ не было, а теперь есть. Для привлеченія къ себѣ народа и совращенія его въ свою ересь вы подкупаете его щедрыми вспомоществованіями. Для этого вамъ нужны большія средства, и вы пользуетесь слабостями простодушныхъ, дабы выманивать у нихъ деньги, а иногда, какъ [illegible]дитъ слухъ, прибѣгаете и къ волшебнымъ [illegible] алхиміи.

— Это ложь! Масоны благотворятъ по завѣту Христа.

— Прошу васъ не выражаться такъ дерзко о моихъ словахъ, — я съумѣю внушить вамъ должное почтеніе ко мнѣ... Сознайтесь: вы для цѣлей Общества, для увеличенія средствъ его, занялись совращеніемъ богатыхъ дѣвицъ, чтобы ихъ приданое обращать на изданіе книжекъ и другіе соблазны народа?..

Колесниковъ чувствовалъ, что онъ готовъ броситься и разорвать этого старика, у котораго мѣрною рѣчью сыпалось съ языка столько оскорбительныхъ несправедливостей.

— Неправда и это! Мы сошлись съ княжной [illegible]линской по любви.

— Конечно, вы постарались ей внушить эту любовь; вы—молодой человѣкъ, способный понравиться неопытной дѣвушкѣ. Вы только забылись немножко, высоко забрались.

Что было отвѣчать за такія обвиненія? Вѣдь не пойметъ-же этотъ человѣкъ, если ему разсказать всѣ муки, какія вытерпѣлъ Игнатій Петровичъ, гоня изъ сердца эту любовь. Да и какъ пустить посторонняго въ святая святыхъ своей души?

Колесниковъ только слушалъ, опустя голову, Шешковскій перешелъ къ другимъ вопросамъ, приплелъ выходъ книжки Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» къ затѣямъ масоновъ и спросилъ Колесникова, какого онъ мнѣнія о взглядахъ Радищева, выраженныхъ въ книжкѣ?

— Въ нихъ много правды и много человѣколюбія, отвѣтилъ Колесниковъ прямо.

Шешковскій искривилъ ротъ отъ досады, что-то отмѣтилъ на бумагѣ и продолжалъ вопросы о Новиковскомъ Обществѣ. Колесниковъ не заперся въ своемъ участіи въ дѣлахъ его, но горячо отвергалъ всѣ обвиненія, какія взводилъ Шешковскій, и даже указывалъ въ доказательвтво на «Масонскій катихизисъ».

— Знаю-съ. Лопухинскія бредни! Этотъ катихизисъ написанъ для отвода глазъ. Но теперь, государь мой, бреднямъ этимъ конецъ! Конецъ и празднику вашему: скоро изъ Москвы прибудутъ ко мнѣ дорогіе гости,— вашъ архіерей Новиковъ съ уставщикомъ Лопухинымъ и прочими. Вы очень кстати попались...

У Колесникова помутилось въ глазахъ; онъ откинулся на спинку стула, смертельно блѣдный; для его разстроенныхъ нервовъ слишкомъ невыносима оказалась мука, какой съ разсчитаннымъ злорадствомъ подвергалъ его Шешковскій.

— Ну-съ, пока довольно, всталъ съ мѣста Шешковскій, я вижу, вы утомились, не привыкли къ откровенному разговору о своихъ проступкахъ. Сторожа! Отведите его обратно въ казематъ!..

Колесниковъ, точно въ горячечномъ пароксизмѣ, вскочилъ со стула и воскликнулъ:

— Какъ? Опять въ тюрьму?.. Боже мой, да когда же на судъ? Если я провинился въ чемъ, то накажите меня скорѣе! Когда-же вы отпустите меня? Ваше превосходительство! Умоляю васъ, скажите что сталось съ другими, что съ моей женой?.. Можетъ быть, она тоже сидитъ въ тюрьмѣ?.. Ваше превосходительство!— и Колесниковъ упалъ передъ Шешковскимъ на колѣни,—рѣшите это дѣло скорѣе, дайте мнѣ увидѣться съ моею женой!.. Иначе я умру... умру!

Игнатій Петровичъ рыдалъ, стоя на колѣняхъ; у Шешковскаго дрогнуло было лицо, но онъ преодолѣлъ себя и, обратясь съ вошедшимъ солдатамъ, произнесъ:

— Уведите его, я вамъ сказалъ!

Колесникова подхватили подъ руки и повлекли...

Онъ очутился въ томъ-же казематѣ и захворалъ горячкой. Его повезли далеко куда-то и сушей, и водою; очнулся онъ снова въ казематѣ; къ нему ходилъ докторъ. Ему раскрывали ротъ, лили какое-то лекарство, а когда онъ поправился, — посадили съ жандармомъ на телѣжку и повезли снова еще дальше... Цѣлый мѣсяцъ ѣхалъ Колесниковъ въ Сибирь и тамъ былъ поселенъ въ маленькомъ домикѣ съ крѣпкой оградой и солдатскимъ конвоемъ...

XVII.

Мы оставили княжну Таню въ день ея неудачнаго брака въ родительскомъ домѣ заснувшею отъ слезъ и нравственной истомы на своей дѣвической постелькѣ, подъ надзоромъ горничной дѣвушки. Ни князю, ни княгинѣ не спалось въ эту ночь, хотя чувства, волновавшія отца и мать, были разнородны; княгиню душила злоба, князь сердечно жалѣлъ любимую дочку за ложный шагъ, за неудачу, постигшую ее, за то, что все это случилось въ его отсутствіе. Онъ нашелъ-бы въ своемъ сердцѣ довольно любви, чтобы простить дочь и даже радоваться потомъ на ея счастье. Но тутъ вмѣшалась княгиня и успѣла повернуть дѣло такъ круто, что оно оказывалось непоправимо для княжны.

Еще не будь вмѣшана въ это дѣло императрица,— которая уже и приняла вполнѣ сторону княгини,—онъ могъ-бы какъ-нибудь настоять, чтобы этотъ бракъ былъ признанъ, но теперь ничего нельзя подѣлать!...

И при этомъ еще онъ *долженъ* показывать къ своей дочери суровость оскорбленнаго отца!—Это нужно для декораціи, для поддержанія своего авторитета...

Утромъ весь княжескій домъ проснулся пасмурный и тихій, всѣ молчали и перешептывались, чувствовали себя неловко. Князь дольше обыкновеннаго не выходилъ изъ своего кабинета и безпрестанно кряхтѣлъ; княгиня, хмурая, отрывисто отдавала приказанія людямъ. Только она одна и не терялась при общемъ смущеніи.

Княжна проснулась съ страшной головной болью, такъ что не могла подняться съ постели безъ того, чтобы не упасть снова. Все утро ни мать, ни отецъ не входили къ ней; пришла только поздороваться младшая сестра Настя, да и та поторопилась поскорѣе выйти, какъ будто сторонясь отъ сестры-преступницы, —такъ показалось это Танѣ.

«Хоть бы умереть, — мелькнула у нея въ головѣ безнадежная мысль,—точно я человѣка убила, всѣ отъ меня бѣгутъ и сторонятся... Хоть бы папа пришелъ, хоть бы бранить сталъ, хоть бы поскорѣй все это кончилось... Гдѣ-то теперь Игнатій? Гдѣ мужъ мой милый? Скоро-ли я съ нимъ увижусь и буду жить вмѣстѣ?.. Мама говоритъ, что я съ нимъ повѣнчалась незаконно и насъ разлучатъ!.. Какъ же незаконно, коли вѣнчалъ насъ священникъ въ церкви... вотъ и кольцо, которыми мы обмѣнялись съ нимъ»...

Княжна взглянула на руку, но къ ужасу своему кольца не нашла на пальцѣ... Она стала искать на кровати,—нѣтъ кольца, спросила горничную,—та и не видала никакого кольца... «Куда же оно могло дѣться? Никому я не отдавала его... Потеряла, можетъ быть?.. Господи! точно какъ все это со мною во снѣ вчера происходило!.. Я замужемъ, а ни мужа, ни кольца нѣтъ, и сплю я на своей постели, гдѣ спала съ дѣтства, въ родительскомъ домѣ... Какая же я жена?»...

Около полудня княгиня куда-то уѣхала. Князь, все еще ходившій по своему кабинету въ раздумьѣ и недоумѣніи, рѣшилъ, наконецъ, посѣтить преступную дочь и дать ей хорошій нагоняй.

«Въ самомъ дѣлѣ она преступна!—старался увѣрить себя князь,—на-ка, какую штуку выкинула: самовольно убѣжать вѣнчаться съ какимъ-то учителемъ!.. Вѣдь это же срамъ для нашего дома!»..

Съ такими мыслями князь, насупившись и кряхтя больше обыкновеннаго, пошелъ въ комнату княжны Тани и съ нѣкоторою нерѣшительностью отворилъ дверь.

Княжна лежала съ мокрымъ полотенцомъ на лбу, закрывъ рукою глаза. Услышавъ шаги и кряхтѣнье отца, княжна быстро приподнялась съ постели и, увидя входящаго князя, какъ серна, соскочила съ постели и съ крикомъ: «папа!... милый папа!»... бросилась ему въ ноги и обняла ихъ, громко рыдая.

Князь остолбенѣлъ при такой неожиданности. Куда дѣвалась вся его напускная суровость, онъ позабылъ всѣ жесткія слова упрековъ, какія тщательно подбиралъ въ умѣ для «преступной дочери»!.. Видъ этой глубоконесчастной дѣвушки, валяющейся у его ногъ, сразу смутилъ князя и выгналъ изъ головы всю строгость. Князь Долинскій самъ прослезился неожиданно для себя и, поднимая дочку съ пола, сквозь слезы залепеталъ:

— Таня, Таня, дочка моя!.. Что ты?... Встань! Встань, Таня!...

— Не встану, папочка дорогой, не встану, пока ты не простишь меня!... Папочка! я не могла справиться съ сердцемъ... Ты прибей меня лучше, только не сердись, папочка милый!..

— Встань, Таня, встань... Ты, конечно, сдѣлала худо и огорчила мать и... меня и... всѣхъ... Но... Господь съ тобой, Таня! Я тебя прощаю, встань...

Таня поднялась и упала на грудь отцу, который, плача, цѣловалъ дочку въ голову, а она осыпала поцѣлуями его руки.

— Папочка, дорогой! Какъ я люблю тебя! Какой ты добрый и милый!... Ты—ангелъ, папочка!—говорила княжна въ восторгѣ, забывая и о страшной головной боли...

— Ну, ну, полно, дочка!.. Только какъ-же это?.. Что-же это?.. Никого не спросясь... Что это съ тобой сталось?

— Папочка, я полюбила его всей душой! Онъ мнѣ сталъ дороже всѣхъ. Я рѣшилась пойти съ нимъ хоть на край свѣта, пренебречь всѣмъ... Вѣдь я знаю, что вы не согласились-бы никогда на этотъ бракъ и я стала-бы несчастна на всю жизнь... Да, папочка, безъ него— я несчастна на всю жизнь!.. А теперь меня не могутъ разлучить съ нимъ,—я жена ему... Скажи, папа, вѣдь *не могутъ* сказать, что я *не жена*?..

— Ты рано радуешься своей поспѣшности... Другіе могли также поторопиться... И сказать теперь, что *не могутъ* тебя разлучить съ мужемъ—нельзя...

Княжна поблѣднѣла, какъ смерть, зашаталась и сѣла на кровать.

— Какъ?.. Такъ мама, значитъ, вправду грозила, что я незаконно вѣнчана, что она пожалуется императрицѣ и разведетъ меня?.. Скажи, папа, правда-ли это?..

Княжна сдѣлала страшное надъ собой усиліе, встала и схватила отца за руки, глядя ему умоляюще въ глаза.

— Успокойся, Таня, ты больна, лягъ, дочка, успо-

койся, — теперь этотъ разговоръ тяжелъ для тебя. Мы послѣ поговоримъ объ этомъ.

— Нѣтъ, папа, ты мнѣ отвѣть на это теперь-же! Вѣдь въ этомъ вся жизнь моя... Вѣдь я въ окно брошусь... Папа, папа! неужели и ты пожелаешь изъ-за какого-то честолюбія погубить твою дочку? Неужели... и ты будешь стараться объ этомъ разводѣ... Развѣ ты не заступишься за меня? Папа, папа!

И дѣвушка заломила руки. Князя снова прошибла слеза при видѣ этого глубокаго страданія и отчаянія дочки.

— Таня, дочка моя! успокойся, я тебѣ говорю... Ну... сказать тебѣ правду—я не противъ этого брака, я-бы охотно благословилъ тебя, живи и радуйся!.. Но тутъ вмѣшалась мать, она раньше успѣла разстроить, она была у императрицы и жаловалась на него... Ну, что тутъ подѣлаешь теперь?

Княжна упала на кровать и рыдала.

— Таня, успокойся, послушай... ну... я постараюсь поправить это дѣло... я попрошу... Я сдѣлаю, что могу для тебя... Я постараюсь все сдѣлать. Только не губи себя.

Въ этотъ моментъ въ дверяхъ комнаты появилась пріѣхавшая княгиня; она слышала послѣднія слова, какія говорилъ княжнѣ отецъ, и съ порога позвала его:

— Князь! пожалуйте на два слова...

Князь скорчилъ гримасу и вышелъ на зовъ.

— Я такъ и знала!—замѣтила княгиня со злобой,— вы не въ состояніи быть отцомъ, какъ слѣдуетъ... Это ваша слабость. Сейчасъ разнѣжничаетесь и готовы въ угоду ей на самое позорное дѣло.

Князь вспыхнулъ и съ раздраженіемъ заговорилъ:

— Ничего не нахожу позорнаго въ бракѣ моей дочери, — она вышла за дворянина и высоко-образованнаго, прекрасной души человѣка!.. *Я согласенъ на этотъ бракъ*!.. Слышите: *согласенъ*!.. Изъ-за пустяковъ губить жизнь двоимъ молодымъ цвѣтущимъ людямъ, — вотъ что я называю позоромъ!.. Еслибы вы съ вашимъ дьявольскимъ честолюбіемъ не вмѣшались въ это дѣло,— все могло-бы обойтись! И я сдержу свое слово: я вмѣшаюсь въ это дѣло и, если хотите, поѣду даже къ императрицѣ просить за дочь.

Княгиня, зеленая отъ злости, скрививъ губы, ехидно слушала рѣчи мужа и, когда онъ остановился для передышки, вставила:

— Ну-съ, князюшка, что еще умнаго скажете—продолжайте.

— И поѣду! Я не позволю вамъ распоряжаться съ дѣтьми, какъ съ неодушевленными предметами. Мнѣ дочь дороже вашихъ честолюбивыхъ плановъ. Что сдѣлано — того не воротишь: надо примириться и сохранить хоть дочь, если вы успѣли ославить это по городу. Вѣдь у нея испорчена вся жизнь... вѣдь она руки на себя наложитъ!..

— Не наложитъ, не безпокойтесь. Я вижу, что она успѣла разжалобить васъ,—для нея это такъ легко, она и разсчитывала на вашу слабость. Но успокойтесь, князь, я предвидѣла это и успѣла распорядиться. Вамъ больше нечего дѣлать и незачѣмъ ѣхать къ государынѣ: бракъ уже признанъ недѣйствительнымъ по высочайшему повелѣнію, священникъ заключенъ въ монастырь,

запись уничтожена въ книгѣ, а богоданный муженекъ вашей милой доченьки, вашъ *прекрасной души человѣкъ*, какъ политическій преступникъ и масонъ, заключенъ въ тюрьму и потерпитъ наказаніе за свои дѣла, помимо того, что онъ совратилъ нашу дочь!.. Ну-съ, довольны?.. Теперь извольте ѣхать куда угодно, кричать и смѣшить кого угодно. Можете даже снова повѣнчать вашу дочь съ масономъ, если хотите. Да-съ, прощайте, князь!..

Княгиня, злобная и торжествующая, вышла изъ кабинета. Князь безсильно опустился на диванъ.

XVIII.

Когда княжна узнала всю правду о своемъ неудачномъ замужествѣ и о погибели ея любимаго человѣка,—она, какъ говорилъ весь домъ, «задурила» во всю свою энергичную натуру, такъ что навела нѣкоторый страхъ даже на мать... Для предотвращенія соблазна и толковъ ее рѣшили отвезти въ деревню подъ видомъ нездоровья, для котораго надобенъ деревенскій воздухъ и свобода.

Тамъ за нею учрежденъ былъ строгій и бдительный надзоръ.

Зима проходила; княжна, зачахшая-было въ эту зиму, къ веснѣ стала поправляться. На лѣто въ имѣніе пріѣхали князья Долинскіе, начались праздники и прогулки. Мало-по-малу княжна «отошла» отъ своей грусти

и понемногу стала принимать участіе въ широкой барской жизни прошлаго столѣтія.

Объ ея «приключеніи» подъ рукою знали всѣ и въ столицѣ, и въ губерніи, гдѣ жили Долинскіе, но молчали объ этомъ, чтобы не обидѣть родителей и не раздражить дочки. Въ характерѣ княжны Тани, послѣ ея неудачнаго замужества, осталась какая-то грусть и сосредоточенность. Ея былая веселость исчезла навсегда.

Она носила въ душѣ, тайно отъ всѣхъ, образъ человѣка, взявшаго всю ея первую любовь, и считала себя неспособною уже ни вновь расцвѣсть душою, ни полюбить.

О Колесниковѣ ей сказали, что онъ умеръ, посаженный въ тюрьму за политическое преступленіе, такъ какъ всѣ главные масонскіе дѣятели съ Новиковымъ во главѣ были арестованы, сосланы или посажены въ тюрьму.

Сначала она не вѣрила ничему этому, но ея слезы и мольбы заставили князя Долинскаго дать ей слово разузнать всю истинную правду о Колесниковѣ.

Князь сдержалъ слово и тайно отъ жены поѣхалъ въ полицію и даже къ Шешковскому съ разспросами.

Степанъ Ивановичъ могъ сообщить только очень печальныя извѣстія: Колесниковъ, по слѣдствію и по нераскаянности въ своихъ масонскихъ взглядахъ, оказался весьма зловреднымъ членомъ общества, а о судьбѣ его онъ зналъ только, что изъ тайной экспедиціи онъ былъ увезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость совсѣмъ больной горячкою.

— Судя по его сложенію, ваше сіятельство, можно думать, что этотъ молодой человѣкъ не вынесетъ этой болѣзни, особенно въ тюрьмѣ или тюремномъ лазаретѣ... О дальнѣйшей его судьбѣ я ничего не знаю...

Это и передалъ князь своей дочери. Оставалось предполагать, что это и правда. Много и сильно грустила княжна и не захотѣла на зиму ѣхать съ родителями въ столицу. Она полюбила деревенское уединеніе, хотя ее и уговаривали ѣхать. Княжна настояла на своемъ и осталась въ деревнѣ оплакивать память любимаго человѣка.

Такъ прошелъ и второй годъ; на второе лѣто въ усадьбѣ Долинскихъ снова пошла шумная жизнь; княжна хотя и стала не такъ дика, но все-таки была тиха и задумчива. Время дѣлало свое дѣло и залечивало сердечную рану княжны, хотя и медленно.

О Колесниковѣ не было ни слуху, ни духу.

На зиму княжна поѣхала съ родителями въ столицу, но являться на балахъ рѣшительно отказалась. Мать была въ отчаяніи отъ поведенія дочери и стала терять надежду выдать ее замужъ.

Княжнѣ и заикнуться объ этомъ нельзя было.

Въ эту зиму домъ Долинскихъ сталъ посѣщать молодой князь Раменскій, недавно пріѣхавшій изъ-заграницы, но не усвоившій тамъ противныхъ манеръ «петиметра», отрекшагося отъ всего роднаго, русскаго, какихъ дружно обличала вся сатирическая литература екатерининскаго времени.

Это былъ простой русскій молодой человѣкъ, очень добродушный и даже простоватый, не смотря на свои

основательныя, сравнительно съ другими сверстниками, знанія въ нѣкоторыхъ наукахъ.

Изо всей, посѣщавшей ихъ домъ, молодежи князь Раменскій нравился княжнѣ больше всѣхъ своимъ открытымъ взглядомъ, добродушной улыбкой и не пустымъ разговоромъ. Она любила съ нимъ говорить; онъ тоже съ большимъ удовольствіемъ и чаще, чѣмъ съ другими барышнями, вступалъ въ разговоры съ княжной Таней.

У нихъ была еще одна общая черта: — они неохотно принимали участіе въ шумныхъ и блестящихъ свѣтскихъ удовольствіяхъ: князь не любилъ танцевать, хотя, если это было неизбѣжно, онъ танцевалъ граціозно. Князь Раменскій много читалъ и этимъ совсѣмъ не былъ похожъ на большинство аристократической молодежи. Княжна, развитая, благодаря Игнатію Петровичу, болѣе, чѣмъ всѣ ея подруги, находила много интереса въ разговорахъ молодого князя, тогда какъ другія дѣвушки ея круга частенько зѣвали и уходили отъ «умныхъ» рѣчей Раменскаго.

Разсыпаться въ свѣтскихъ любезностяхъ, вести пустой разговоръ, пересыпанный сплетнями, князь рѣшительно не могъ и слылъ у барышень за «ученаго» и скучнаго кавалера, хотя завиднаго жениха. Кромѣ знатнаго происхожденія, князь Раменскій былъ и богатъ: его родителямъ принадлежали обширныя имѣнія въ разныхъ губерніяхъ съ нѣсколькими тысячами душъ крестьянъ, дома въ Петербургѣ и Москвѣ. Старшій братъ Раменскаго былъ женатъ и выдѣленъ изъ родительскаго имѣнія. По этой причинѣ молодой князь Раменскій былъ желаннымъ гостемъ въ семейныхъ до-

махъ, гдѣ были дочери-невѣсты, и сіятельныя мамаши на перебой ухаживали за нимъ.

Ихъ зоркій взглядъ, ревниво слѣдившій за каждымъ шагомъ хорошаго жениха, чтобы угадать, куда начнетъ склоняться симпатія князя или какой домъ будетъ предпринимать наибольшія усилія для уловленія «хорошей партіи», скоро замѣтили его продолжительные разговоры съ княжной Долинской и его частые визиты къ нимъ. У Долинскихъ онъ всѣмъ нравился, и отцу, и матери, которая въ глубинѣ души таила смутныя надежды, и сыновьямъ-гвардейцамъ, и дочерямъ.

Бабушки и тетушки Долинскихъ уже начали пошептывать: «Не посылаетъ-ли Богъ?.. А вдругъ, чего добраго?.. Далъ бы Богъ!.. Да нѣтъ, нельзя этому статься: вѣдь она у насъ «порченая»... и тому подобное».

Молодые люди вовсе не подозрѣвали, что они привлекаютъ общее вниманіе, что за ними слѣдятъ и сами менѣе всего волновались тѣми мыслями, какія представляли предметъ заботъ для всѣхъ окружающихъ: эти мысли имъ вовсе не приходили въ голову.

Княгиня, какъ искусный дипломатъ, разъ уже спасшій свою фамильную политику отъ крушенія, покровительствовала этому сближенію; за то другія мамаши, тетушки и бабушки втихомолку подняли ревнивый и завистливый шепотъ на счетъ княжны Долинской, у которой въ прошломъ былъ промахъ, непростительный съ свѣтской точки зрѣнія. Объ этомъ до поры-до-времени молчали, но теперь потребовалось поднять эти воспоминанія, украсить и пустить въ ходъ. Вѣрнаго почти никто не зналъ, за то тѣмъ съ большею сво-

бодой разыгрывалась фантазія по поводу неудачнаго бѣгства княжны изъ родительскаго дома и безвѣстной пропажи скороспѣлаго мужа княжны.

И вотъ, съ нѣкотораго времени наблюдательная княжна Таня стала замѣчать какую-то перемѣну въ отношеніяхъ сверстницъ съ нею: онѣ не то сторонились, не то боялись, не то насмѣхались надъ нею. Это ее удивило.

Далѣе она разъ замѣтила, какъ во время разговора ея съ княземъ Раменскимъ, нѣкоторыя дамы издали и сбоку улыбались, кивали въ ихъ сторону и что-то пересмѣивали.

Этого прежде не было, хотя серьезная княжна никогда не нравилась дамамъ.

Княжна стала наблюдать и вдумываться, искать причины такой перемѣны отношеній къ ней и долго не могла наткнуться на истину. Но нѣсколько фразъ, услышанныхъ ею однажды на ходу, вдругъ раскырли ей глаза на настоящую причину непріязни свѣтскихъ дамъ.

«Это я, скомпрометированная, отбиваю жениха отъ чистыхъ и непорочныхъ дочекъ,—догадалась княжна,—они возмущены выборомъ князя Раменскаго; онѣ воображаютъ, что я завлекаю князя съ цѣлью выйти за него замужъ! Вотъ что значатъ всѣ эти ужимки, вздохи и полуслова!.. Ну, погодите-же, я вамъ покажу, что ничего подобнаго у меня нѣтъ на умѣ»!..

Княжна круто перемѣнила свое поведенія съ княземъ, стала избѣгать разговоровъ съ нимъ, чѣмъ ужасно огорчила молодого человѣка и подвергла его въ сом-

нѣніе. Все это могло-бы разыграться какою нибудь исторіею, но, къ счастью зимній сезонъ кончился, и Долинскіе уѣхали въ имѣніе на все лѣто, оставивъ всѣхъ петербургскихъ знакомыхъ.

XIX.

Въ деревнѣ барская жизнь богатаго вельможи пошла своимъ чередомъ: праздники и балы то у одного, то у другого изъ сосѣдей, театральныя представленія, оперы и балеты собственныхъ крѣпостныхъ актеровъ, пѣвцовъ и балеринъ. Спеціально для мужской половины—охоты большими компаніями, гдѣ каждый помѣщикъ щеголялъ одинъ передъ другимъ своими сворами, лошадьми, охотниками. доѣзжачими и т. д.

У князя Долинскаго во время лѣта кругъ знакомыхъ почти совсѣмъ мѣнялся: петербургскихъ оставалось семейства два, да и тѣ дальніе сосѣди, остальные были изъ Москвы и южныхъ городовъ.

Для княжны Тани это обстоятельство было очень пріятно: она могла отдохнуть отъ зимнихъ городскихъ сплетенъ, могла спокойно взглянуть въ глаза гостямъ, не опасаясь прочесть въ нихъ ни скрытой злобы, ни затаенной насмѣшки, ни обиднаго сожалѣнія.

Разлука съ княземъ Раменскимъ, хотя и произошла по ея иниціативѣ, все-таки оставила нѣкоторую пустоту около нея: ей такъ трудно было найти среди лицъ ея круга людей, подходящихъ къ ней по развитію ум-

ственному и нравственному, и вотъ, едва нашелся такой одинъ, какъ уже зависть и сплетня поспѣшили отравить ея удовольствіе, разстроить начавшій сходить ей въ душу миръ.

Княжна Таня была глубоко несчастна; жизнь ея была разбита, она чувствовала это, и на всѣ ея слова, дѣйствія, на фигуру ея легла какая-то тѣнь неисцѣлимой грусти. Это былъ подстрѣленный жизнью звѣрекъ, изнывающій отъ скрытой раны, которая ведетъ его къ смерти.

Среди царствовавшаго вокругъ веселья, довольства жизнію, торжества сытой и здоровой физической природы надъ нервной задумчивостью «избранныхъ натуръ», княжна выдѣлялась диссонансомъ и положительно портила впечатлѣніе. Она это понимала и старалась по возможности удаляться отъ общества, но это было неудобно и подозрительно, не всегда было согласно съ правилами bon ton'а:

Отношенія княжны къ матери, послѣ того, какъ княжна такъ круто измѣнила свое положеніе съ княземъ Раменскимъ и тѣмъ разстроила тайные планы княгини Софьи Зиновьевны,—стали еще болѣе натянутыми и холодными. Княгиня рѣшительно не любила эту дочку, вышедшую какимъ-то утенкомъ въ ея куриной семьѣ. Ей было кого любить: два сына-гвардейца составляли утѣшеніе ея сердца, хотя подчасъ и очень раздражали отца своими черезчуръ вольными шалостями, легко имъ сходившими въ благодушное царствованіе матушки-Екатерины. Вторая дочь Настя начинала выравниваться въ хорошенькую дѣвушку съ

черными плутовскими глазенками, съ веселымъ смѣхомъ къ каждому слову, живая и бойкая.

Эта дочка удалась и отъ нея не ожидалось хлопотъ, какъ со старшей: ее забавляли и наряды, и балы, ей нравились красавчики военные, она съ уваженіемъ относилась къ родовитости и богатству и рѣшительно не содержала въ своей курчавенькой головкѣ никакихъ головоломныхъ вопросовъ. Мать для нея была неоспоримымъ авторитетомъ во всемъ безъ исключенія,—словомъ, княжна Настя утѣшала всю семью: отца, мать и братьевъ.

Старшую сестру она любила, но не понимала и вслѣдъ за большими называла ее странной; поступокъ ея съ самовольнымъ замужествомъ она то-же, какъ и всѣ, считала ужаснымъ «проступкомъ», о которомъ надо молчать, котораго надо стыдиться, за который надо сестру жалѣть.

Братья не долюбливали сестру Таню; они всегда должны были пасовать передъ нею въ спорахъ, и ихъ оскорбляло ея умственное превосходство передъ ними; шуточкой отъ нея нельзя было отъѣхать, посмѣяться надъ нею — имъ обходилось дорого отъ ея остраго языка. Только отецъ, князь Сергѣй Иринеичъ, всей душой любилъ свою несчастную дочку, но и онъ не могъ не принимать во вниманіе чувствъ и взглядовъ всей остальной семьи, и потому долженъ былъ поневолѣ умѣрять проявленія своей любви.

Княжна Таня оказывалась какъ-бы лишнею; въ семьѣ со стороны этого ничего нельзя было замѣтить, но сама она мучительно чувствовала это.

Оторвавшись такъ полно отъ семьи, княжна стала подумывать уже о поступленіи въ монастырь, чтобы не мучиться и не мучить другихъ; но это былъ шагъ трудный, его надо было обдумать, приготовиться къ нему душою, а пока она рѣшилась на слѣдующую зиму не возвращаться съ семьею въ столицу, а снова провести время въ спасительномъ для нея уединеніи— въ деревнѣ. Она, какъ трудно-больной, не окрѣпла достаточно, не дала вполнѣ зажить своей сердечной ранѣ, какъ ей снова пришлось переживать довольно сильныя душевныя потрясенія встрѣчи и разлуки съ княземъ Раменскимъ...

Въ серединѣ лѣта у одного изъ сосѣдей князя Долинскаго, богатаго графа Ольдерогге, усадьба котораго находилась въ двадцати верстахъ отъ усадьбы Долинскихъ, задумали устроить благородный любительскій спектакль на французскомъ языкѣ. Для это цѣли старая графиня со старшей дочерью была у княгини Долинской съ приглашеніемъ ихъ на праздникъ и спектакль. При этомъ обѣимъ дочерямъ предлагалось принять участіе въ спектаклѣ. Княжна Таня рѣшительно отказалась, а Настя, послѣ нѣкотораго колебанія, согласилась, и поэтому была увезена графиней въ сопровожденіи француженки-компаньонки и двухъ крѣпостныхъ горничныхъ къ себѣ въ имѣніе за двѣ недѣли до праздника. Къ празднику обѣщали пріѣхать и князь съ княгинею и дочерью Таней.

Большой графскій домъ кипѣлъ приготовленіями къ празднику. Въ него съѣхалось много народа, барышень и молодыхъ людей, участвующихъ въ спек-

таклѣ. Всѣ они каждый день со смѣхомъ и шутками сходились репетировать подъ руководствомъ юркаго старика, балетмейстера-итальянца, котораго держалъ графъ Ольдерогге, для своихъ многочисленныхъ дѣтей: Выбраны были: «La princesse d'Elide» Мольера съ пѣніемъ и балетными танцами и какой-то забавный «proverbe» въ стихахъ и аллегорическихъ костюмахъ.

Для молодежи это было истиннымъ наслажденіемъ, источникомъ всевозможныхъ дурачествъ: они совсѣмъ скрутили голову всему дому. И въ домѣ, и въ саду—вездѣ раздавался ихъ веселый смѣхъ, бѣготня, затверживаніе ролей. Старикъ-балетмейстеръ, въ ожиданіи хорошей награды, работалъ какъ каторжный съ утра до вечера: обучалъ и актеровъ, и балетъ, давалъ указанія костюмерамъ, декораторамъ, даже плотникамъ, въ качествѣ режиссера. Нѣмецъ-капельмейстеръ съ своей стороны цѣлый день до одуренія мучилъ оркестръ крѣпостныхъ музыкантовъ, запершись въ пустой оранжереѣ, и разучивалъ съ актерами аріи пьесы. Всѣмъ было дѣла по горло; и садовникамъ, и поварамъ, и лакеямъ, и горничнымъ. На псарномъ дворѣ дрессировался для пьесы молодой медвѣженокъ.

Послѣ спектакля долженъ былъ открыться грандіозный балъ. Появленіе хорошенькой княжны Насти Долинской среди дѣвицъ произвело на молодыхъ людей впечатлѣніе, и они тотчасъ же начали за нею на перебой ухаживать. Это ей нравилось и веселило ее; она упражнялась въ кокетствѣ и острила свои розовенькіе коготки для болѣе серьезныхъ побѣдъ.

Дней за пять до праздника пріѣхалъ къ графу

Ольдерогге его родственникъ, молодой князь Раменскій.

Онъ очень обрадовался и взволновался, увидѣвъ княжну Долинскую, и тотчасъ же засыпалъ ее вопросами объ ея старшей сестрѣ. Настя отвѣчала, что сестра ея какая-то странная, скучаетъ, избѣгаетъ общества и удовольствій. Князь не хотѣлъ задавать бойкой дѣвочкѣ другихъ вопросовъ, которые, однако, его волновали, а спросилъ только—будетъ-ли она на праздникѣ?

Хитрая дѣвочка отвѣчала, что сестра ея *обѣщала* быть на праздникѣ, но что за это поручиться нельзя, потому что она вдругъ можетъ раздумать.

— Вотъ, если она узнаетъ, что вы, князь, здѣсь—то навѣрное будетъ.

— Почему-же вы такъ думаете? спросилъ князь, невольно вспыхнувъ,—я думаю такъ напротивъ: княжна Татьяна Сергѣевна послѣднее время за что-то разсердилась на меня.

Молодая дѣвушка кокетливо улыбнулась, отпрыгнула отъ князя и запѣла пѣсенку пастушекъ изъ разучиваемой ими интермедіи Мольера:

Quelque fort qu'on s'en dèfende,
Il y faut venir un junr;
Il n'est rien qui ne se rende
Aux doux charmes de l'amour!..

(Какъ бы кто сильно ни защищался, но долженъ придти свой день; никто не можетъ воспротивиться обаянію любви).

Пропѣвъ эту пѣсенку, дѣвушка со смѣхомъ убѣжала, оставивъ князя Раменскаго въ недоумѣніи и волненіи.

Князя заставили принять участіе въ пьесѣ Мольера. такъ какъ актеръ, игравшій принца Эвріала, рѣшительно не могъ справиться съ ролью и отказался.

Князь Раменскій, видавшій эту пьесу при версальскомъ дворѣ въ блестящей обстановкѣ двора Людовика XVI, согласился играть и сталъ учить роль.

XX.

Въ день праздника въ усадьбу графа Ольдерогге съ утра начался съѣздъ гостей. Домъ еще болѣе оживился и зашумѣлъ. Князь Раменскій съ нетерпѣніемъ ожидалъ князей Долинскихъ до обѣда, желая видѣть и переговорить съ княжной, но до обѣда ихъ не было. Какъ ближніе сосѣди, они не торопились, желая попасть къ спектаклю. Послѣ обѣда участвующіе въ представленіяхъ были разобщены съ гостями для одѣванья и приготовленій къ сложнымъ интермедіямъ съ пастухами, пастушками, охотниками, сатирами и даже живымъ медвѣдемъ.

Хитрая дѣвушка, княжна Настя, нарочно не дала знать своей сестрѣ о пріѣздѣ князя Раменскаго и участіи его въ спектаклѣ желая посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нихъ обоихъ эта встрѣча.

Но вотъ роскошно убранная театральная зала полна гостями, оркестръ гремитъ передъ сценой. Князь, княгиня и княжна Долинскіе сидятъ въ первыхъ рядахъ, ожидая, когда поднимется занавѣсъ, изображающій Олимпъ съ богами и богинями.

Княжна Таня немного блѣдна; ея грустные глаза безъ особеннаго интереса оглядываютъ убранство залы и гостей.

Спектакль начался затѣйливымъ „провербомъ", или пословицею въ лицахъ на французскомъ языкѣ. У князя и княгини Долинскихъ сильно забилось сердце отъ восторга, когда они увидѣли свою дочь Настю въ роскошномъ костюмѣ какой-то восточной принцессы. Ея черные волосы и глаза очень гармонировали съ яркими цвѣтами костюма. Она чистымъ голоскомъ пропѣла какую-то арію, взглядывая и улыбаясь своимъ. Князь не могъ удержать слезъ умиленія; княгиня и Таня привѣтливо кивали головой; по залѣ пронесся шепотъ одобрѣнія эффектной наружности княжны Долинской.

„Провербъ" закончился апофеозомъ съ бенгальскимъ освѣщеніемъ. Въ антрактѣ всѣ гости стали поздравлять Долинскихъ съ успѣхомъ княжны Насти и разсыпались въ похвалахъ; княгиня Софья Зиновьевна и князь были на верху блаженства. Княжнѣ Танѣ пеняли, зачѣмъ она не участвуетъ въ такой прекрасной забавѣ.

Ливрейные лакеи безпрестанно разносили фрукты и прохладительные напитки. Княжна Настя, занятая и въ комедіи-балетѣ „Элидская принцесса", не появлялась.

Комедія Мольера началась прологомъ: на великолѣпной лужайкѣ спятъ охотники; за перелѣсочкомъ загорается заря и появляется прелестная дѣвушка въ видѣ Авроры въ розовомъ воздушномъ костюмѣ съ поднятыми обнаженными руками, съ бриллiантовой большой звѣздой на головѣ; это старшая дочь графа Оль-

дерогге, бѣлокурая красавица. Она поетъ любовную пѣсенку, чтобы пробудить спящихъ; охотники встаютъ, будятъ другъ друга и прологъ оканчивается звуками охотничьихъ роговъ и танцами охотниковъ.

Теперь пришла очередь плакать отъ удовольствія гостепріимнымъ графу и графинѣ Ольдерогге.

Въ первомъ актѣ сцена представляла укромную часть сада; молодой принцъ Итаки, Эвріалъ, въ глубокой задумчивости тихо идетъ, опустя голову, со своимъ дядькой Арбатомъ... Дядька начинаетъ рѣчь; Эвріалъ поднимаетъ голову, чтобы отвѣчать, и въ это время окидываетъ взглядомъ ряды зрителей. Вдругъ, въ первыхъ рядахъ, близко отъ себя, онъ видитъ княжну Таню Долинскую. Онъ сразу вспыхнулъ и смѣшался, забылъ твердо заученную роль и нѣсколько времени не могъ промолвить ни слова. Между зрителей пронесся легкій шепотъ; княжна Таня помертвѣла и едва сдержалась, чтобы не упасть въ обморокъ отъ этой неожиданной встрѣчи. Красавецъ Эвріалъ, въ великолѣпномъ греческомъ костюмѣ, съ золотой діадемой на головѣ, былъ князь Раменскій. Княгиня Софья Зиновьевна опытнымъ окомъ матери замѣтила волненіе дочери; княжна то блѣднѣла, то краснѣла; мать сняла съ пальца золотое кольцо съ флакончикомъ духовъ и передала княжнѣ.

Наконецъ, Эвріалъ собрался съ духомъ и началъ:

Да объясни, Арбатъ, открой мнѣ безъ стѣсненья.—
Что значатъ вздохи тѣ и взгляды, и волненье?
Ты можешь мнѣ сказать, позволю я впередъ,
Что и меня любовь плѣнила въ свой чередъ...

Первыя слова роли были произнесены робко и не

твердо, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше князь приходилъ въ себя, рѣчь становилась страстнѣе; глядя на княжну Таню, онъ вкладывалъ въ слова роли свою душу: ему приходилось высказывать какъ разъ мученія любящаго человѣка, который не надѣется на взаимность со стороны предмета своей страсти, Элидской принцессы, ненавистницы брака, гордой и отвергающей исканія принцевъ Мессины и Пилоса.

Состояніе княжны было ужасно: слезы подступали къ горлу, дыханіе ея прерывалось, но ей надо было сдерживаться. Интермедіи съ танцами и пѣніемъ, шедшія между актами, немного развлекли княжну, иначе ей не высидѣть-бы до конца.

Всѣ зрители были поражены страстностью и силою игры князя Раменскаго и шумно вызывали его послѣ каждаго акта: но никому не было въ домекъ, — кто истинная причина такого одушевленія?

Всѣ толковали, что онъ былъ въ Версали, видѣлъ знаменитыхъ актеровъ, которымъ и подражаетъ.

Одна княжна Таня сердцемъ чуяла, что эти страстныя рѣчи обращены прямо къ ней; понимала это и княгиня Софья Зиновьевна, и въ головѣ ея снова стали роиться утѣшительные планы.

Комедія кончилась танцами пастуховъ и пастушекъ, изъявлявшихъ радость по случаю побѣды, одержанной Эвріаломъ надъ сердцемъ неприступной принцессы: зрительная зала огласилась громкими аплодисментами.

Вышли всѣ участвовавшіе въ представленіи; ихъ долго не спускали со сцены. Князь Раменскій жаднымъ

взоромъ ловилъ выраженіе лица и глазъ княжны, онъ отъ нея одной ждалъ одобренія; княжна съ трудомъ рукоплескала, чтобы не отстать отъ другихъ, а сама была смертельно блѣдна отъ волненія.

Гости съ громкимъ говоромъ вышли въ садъ; былъ чудный лѣтній вечеръ; по всѣмъ аллеямъ и бесѣдкамъ протягивались нити разноцвѣтныхъ горящихъ шкаликовъ; на прудѣ раздались нѣжные звуки роговой музыки, привезенной однимъ изъ гостей; на полянѣ зажегся великолѣпный фейерверкъ; фонтаны освѣтились бенгальскими огнями.

Къ гостямъ присоединились и актеры; снова пошли похвалы и восторги; родители осыпали поцѣлуями своихъ талантливыхъ дѣтей. Пробѣжала къ своимъ и княжна Настя, веселая и сіяющая, и бросилась въ объятія отца, матери и сестры, которыхъ не видала двѣ недѣли, будучи увезена къ графамъ. Дѣвочка безъ умолку трещала, смѣялась и разсказывала о томъ, какъ она проводила время, разучивала роль, репетировала, какъ у нихъ было весело и шумно, сколько у нихъ было интересныхъ молодыхъ людей. Родители наперерывъ цѣловали свою милую дочку и не могли ею налюбоваться.

— А ты, не правда-ли, удивилась, что князь Раменскій здѣсь и играетъ съ нами? — обратилась Настя къ старшей сестрѣ, — представь, ни графъ, никто не ожидалъ, что онъ пріѣдетъ, а онъ вдругъ и пріѣхалъ передъ самымъ спектаклемъ. Ему тотчасъ-же передали главную роль. И какъ онъ славно сыгралъ! Это онъ для тебя, Таня, такъ сыгралъ! О, конечно, конечно! Я знаю!

— Перестань ты, болтушка моя милая,—остановила ее мать, цѣлуя.

— Князь все про тебя распрашивалъ меня, каждый день говорилъ о тебѣ и очень хотѣлъ, чтобы ты пріѣхала. Я нарочно не извѣстила тебя объ его пріѣздѣ, а то ты могла-бы закапризничать, — вѣдь ты у насъ такая, и не пріѣхать... Я хотѣла, чтобы ты удивилась его присутствію...

— Ты можешь быть довольна: я дѣйствительно удивилась.

— Ну, вотъ, видишь!.. Однако, посмотри, Таня, вонъ князь кого-то ищетъ въ саду... Это онъ тебя ищетъ, навѣрное!..

Глаза всѣхъ Долинскихъ обратились по указанному направленію: дѣйствительно, князь Раменскій кого-то искалъ въ саду; старался отдѣлываться отъ гостей, говорившихъ ему любезности, и внимательно разглядывалъ группы гостей. Вдругъ взглядъ его упалъ на Таню Долинскую, которая смотрѣла на него, и встрѣтился съ ея взглядомъ. Кровь бросилась ему въ лицо: Таня чуть не вскрикнула и не пошатнулась и крѣпко ухватилась за руку матери; княгиня сразу поняла, въ чемъ дѣло.

Князь подошелъ къ Долинскимъ съ привѣтствіемъ; Софья Зиновьевна и Сергѣй Иринеичъ начали поздравлять князя съ успѣхомъ на сценѣ, разсыпались въ похвалахъ его таланту; Настенька подсмѣивалась надъ нимъ, а княжна Таня сдержанно поздоровалась съ молодымъ человѣкомъ и старалась казаться спокойной. Обмѣнявшись съ родителями княжны первыми вопросами

и отвѣтами о томъ, что произошло въ промежутокъ, пока они не видались, а также всѣми новостями, князь Раменскій постарался завязать разговоръ и съ княжной Таней. Княгиня незамѣтно отстала съ мужемъ и дочкой отъ молодыхъ людей и предоставила ихъ самимъ себѣ на нѣкоторое время. Въ головѣ ея снова зароились планы устроить судьбу старшей дочери такъ, какъ прилично отрасли древняго богатаго княжескаго рода...

Оглянувшись, княжна замѣтила исчезновеніе родителей и сестры; мысль, что это сдѣлано умышленно, вызвала невольную гримасу на ея лицо. Молодой человѣкъ ничего не замѣчалъ и былъ доволенъ, что, наконецъ, онъ можетъ снова поговорить съ тою, о которой все это время скучалъ. Онъ видѣлъ, что княжна сторонится отъ него почему-то, и въ рѣчахъ его стала слышаться какая-то робость человѣка, боявшагося, чтобы вновь завязываемыя отношенія снова безпричинно не порвались.

Княжна почувствовала эту нотку, и разговоръ ея съ княземъ, какъ она ни хотѣла выдержать свой характеръ, невольно сталъ мягче, сочувственнѣе. Князь спрашивалъ ея мнѣнія объ его игрѣ, Таня похвалила, но замѣтила:

— Очень хорошо, но только вы играли странно. Такъ актеры не играютъ, и сыграть такъ человѣкъ можетъ только одинъ разъ.

— Да? вы находите? Я самъ чувствую, что игралъ странно, но я не знаю, что со мной сдѣлалось. У меня просто голова кругомъ пошла. Съ непривычки, вѣрно.

— Можетъ быть,—согласилась Таня,—а въ головѣ

ея промелькнула совсѣмъ другая мысль, не порадовавшая ее. „Господи, если онъ влюбится въ меня! Я не могу, я не должна любить его! Это доставитъ мнѣ новое мученье. И какой злой рокъ устроилъ эту новую встрѣчу!“

Теплый лѣтній вечеръ былъ чудно хорошъ; безчисленные огни шкаликовъ и лампіоновъ, разсыпанные въ зелени причудливо подстриженныхъ деревьевъ, придавали обширному саду графа волшебный видъ.

Раздававшаяся въ разныхъ мѣстахъ музыка нѣжила чувства; все располагало человѣка къ мечтательности, нѣгѣ, наслажденію жизнью. Молодой князь Раменскій во всей силѣ чувствовалъ на себѣ обаяніе этого вечера, горѣлъ и желалъ высказать княжнѣ Танѣ много-много такого, чѣмъ была полна душа его, что съ трудомъ сдерживалось въ немъ, — но дѣвушка держалась такъ, что онъ не смѣлъ сдѣлать этого.

Князь былъ молодъ и не испытывалъ сильнаго горя, его чувства были свѣжи и пылки, а сердце княжны было измучено ранними страданіями, — она уже не такъ легко предавалась радужнымъ мечтамъ: червь сомнѣнія точилъ это сердце.

3

XXI.

Проживъ всей семьей въ усадьбѣ графовъ Ольдерогге трое сутокъ, князья Долинскіе уѣхали домой, обласканные и довольные гостепріимствомъ сосѣдей.

Князь Раменскій все это время былъ около княжны

Тани, такъ что обратилъ на это всеобщее вниманіе. Княжнѣ поведеніе князя было непріятно, но снова дать ему понять это было жалко; князь же въ своемъ молодомъ увлеченіи ничего этого не замѣчалъ, да и знать ничего не хотѣлъ. Княгиня Софья Зиновьевна втайнѣ радовалась и незамѣтно политично покровительствовала такому ухаживанію молодого и богатаго князя.

При разставаніи князь Раменскій получилъ усерднѣйшее приглашеніе князя и княгини Долинскихъ посѣтить ихъ запросто и какъ можно скорѣе, на что съ радостью согласился, уловивъ въ глазахъ любимой княжны выраженіе нѣмого сочувствія приглашенію родителей.

— Смотрите-же, пріѣзжайте скорѣе, — тараторила бойкая княжна Настя,—мы съ вами разучимъ что нибудь сценическое и представимъ... Мнѣ такъ понравилось играть на сценѣ... Вотъ и Таня составитъ намъ компанію. Не правда-ли, Таня, вѣдь ты согласишься играть съ нами? Князь такой великій актеръ! онъ заставляетъ плакать зрителей!—сшутила Настя.

— Да полно тебѣ, болтушка моя!—ласково остановила ее мать.

Всю дорогу и дома ежедневно князь и княгиня разсыпались въ похвалахъ уму, таланту и прочимъ добродѣтелямъ молодаго человѣка, отчасти искренно, отчасти съ дипломатическою цѣлью расположить въ его пользу свою непокорную дочь.

Этотъ маневръ родителей, въ простотѣ души желавшихъ счастья своей дочери, для послѣдней цѣли былъ несостоятеленъ и только вредилъ впечатлѣнію. На Настю,

на сотцю другихъ дѣвушекъ эта дипломатія возымѣлабы свое дѣйствіе въ самую лучшую сторону, но княжнѣ Танѣ эти уловки казались смѣшными и слишкомъ прозрачными.

Впрочемъ, старанія отца съ матерью въ этомъ случаѣ были лишними: искренняя и робкая преданность князя Раменскаго глубоко тронули княжну Таню; она не могла побороть въ себѣ невольнаго чувства влеченія къ этому симпатичному юношѣ и когда разсталась съ нимъ, то снова почувствовала тоску, какая, она помнитъ, была и въ первый разъ въ Петербургѣ.

Таня упрекала себя за эту слабость, но побѣдить ее не могла и съ нетерпѣніемъ ждала князя, припоминая всѣ его разговоры, взгляды, жесты и вздохи.

Ея сердце еще не разучилось любить, и любовь закрадывалась въ него тихо, незамѣтно, но прочно.

Черезъ недѣлю въ усадьбу Княжевщину, имѣнье Долинскихъ, пріѣхали для отдачи визита графъ и графиня Ольдерогге со старшей дочерью и княземъ Раменскимъ. Ихъ пріѣзда ждали, и потому они были приняты богато и великолѣпно; княжна Таня съ плохо скрываемою радостью встрѣтила князя Раменскаго, что не ускользнуло отъ внимательнаго взора княгини Софьи Зиновьевны. Послѣ обѣда князь Долинскій велѣлъ приготовить нѣсколько барказовъ для прогулки по рѣкѣ, протекавшей мимо обширнаго сада усадьбы.

Для гостей и хозяевъ барказъ былъ убранъ коврами и подушками съ наметомъ изъ цвѣтной матеріи; гребцы были одѣты по праздничному. На другихъ барказахъ должны были помѣститься музыканты, пѣсенники, при-

слуга; повара были раньше отправлены съ кухней и палатками за нѣсколько верстъ по рѣкѣ на заповѣдное урочище Долинскихъ въ дубовую рощу, гдѣ предполагалось угощеніе.

Какъ только флотилія тронулась,—грянула музыка и далеко отозвалась по гладкой широкой рѣкѣ, по окрестнымъ полямъ, затерявшись въ лѣсахъ. Послѣ оркестра пѣсенники затянули волжскую пѣсню, и звуки ея такъ гармонировали съ прогулкою на рѣкѣ; графъ и графиня были очень довольны такимъ сюрпризомъ; веселѣе и шумнѣе всѣхъ была молодежь.

— Посмотри,—сказала княгиня мужу,—что сдѣлалось съ нашей Таней: весела и смѣется,—чего съ нею давно не было... Я очень этому рада.

— Дай Богъ!.. пора бы ужъ ей и бросить скучать то. Истомилась вся, бѣдная.

На лужайкѣ въ дубовой рощѣ пріѣхавшіе нашли раскинутыя палатки, многочисленную прислугу и готовое угощеніе. Молодежь разсыпалась побѣгать по лѣсу; князь Раменскій все время старался держаться около княжны Тани, ободренный радостною встрѣчею, какую сдѣлала ему любимая дѣвушка.

У нихъ завязался интересный разговоръ, какого давно не было между ними, и они, незамѣтно, отдѣлились отъ другихъ; издали была слышна музыка оркестра.

Князь, горѣвшій нетерпѣніемъ, рѣшилъ, наконецъ, объясниться съ дѣвушкой и высказать ей все, что такъ долго томило его и не давало ему покоя.

Онъ началъ издалека, путался и все никакъ не

могъ подойти къ сути дѣла, такъ что княжна, наконецъ, съ удивленіемъ посмотрѣла на него и вдругъ поняла его состояніе, увидавъ страшно напряженное выраженіе лица князя и его блуждающіе блестящіе глаза. У нея захолонуло сердце не то отъ страха, не то отъ какого-то сладостнаго ожиданія,—она не могла дать себѣ въ этомъ отчета.

— Я не знаю, Татьяна Сергѣевна, что я сдѣлалъ,—говорилъ князь Раменскій, чѣмъ я заслужилъ, что вы съ нѣкотораго времени такъ круто измѣнились ко мнѣ. Прежде вы были ласковы со мной, а потомъ стали избѣгать видѣть меня. Я былъ глубоко огорченъ этимъ и вотъ все время не могу успокоиться. Ради Бога, скажите мнѣ всю правду!—чѣмъ я могу снова заслужить ваше расположеніе, безъ котораго... безъ котораго (голосъ князя дрогнулъ) мнѣ жизнь не въ жизнь.

Княжна Таня отвѣтила не вдругъ.

— Вы знаете, князь, мою исторію... Я никогда съ вами объ этомъ не говорила... Въ мнѣніи свѣта, по крайней мѣрѣ, въ мнѣніи тѣхъ, кто меня окружаетъ,— я потерянный человѣкъ... Я осмѣлилась полюбить не того, кого мнѣ приказывали родители, а кого выбрало мое сердце... Это былъ высокой души и ума человѣкъ... масонъ... Я его до сихъ поръ не могу забыть, хотя...

— Но вѣдь онъ, сколько я слышалъ, умеръ?—перебилъ дѣвушку князь.

— Умеръ, да (княжна набожно перекрестилась, за ней послѣдовалъ и князь). Я съ нимъ была повѣнчана, хотѣла убѣжать изъ родительскаго дома, но насъ силой

разлучили; его сослали, а меня заперли. Онъ умеръ въ ссылкѣ, а я потеряла съ нимъ все дорогое...

Въ свѣтѣ меня презираютъ за это, а вы, знатный и богатый человѣкъ, завидный женихъ для всѣхъ дѣвушекъ, стали обращать на меня вниманіе больше, чѣмъ на другихъ, безупречныхъ, чистыхъ дѣвушекъ-невѣстъ. Вотъ почему я и стала отдаляться отъ васъ. Я не хотѣла быть предметомъ злобы и зависти другихъ, не хотѣла другимъ перебивать дорогу, потому что знаю, что я не имѣю права на такое-же счастье, какъ другія... я—осрамленная всѣми вдова...

— А мнѣ какое дѣло, какъ на васъ смотрятъ другіе! Для меня вы—лучшій человѣкъ изъ всѣхъ, какихъ я встрѣчалъ. Я вашу исторію слышалъ и—еще больше сталъ уважать васъ за это. Я самъ способенъ поступать наперекоръ всѣмъ если вижу, что это хорошо и честно... Вы, по моему мнѣнію, не сдѣлали ничего худого... Мнѣ приходилось слышать о вашемъ покойномъ мужѣ, и, по всѣмъ отзывамъ, это былъ чудесный человѣкъ душой и очень образованный.

Этотъ отзывъ князя объ Игнатіѣ Петровичѣ Колесниковѣ умилилъ княжну до глубины души; она прослезилась и благодарно посмотрѣла на князя, крѣпко пожавъ ему руку. Князь нѣсколько разъ съ жаромъ поцѣловалъ эту руку.

— Но, Татьяна Сергѣевна, прошлаго не воротишь, а живой живое и думаетъ... Вотъ теперь я... Конечно, я не могу равняться ни умомъ, ни качествами съ покойнымъ, однако люблю васъ всей душой... Безъ васъ

мнѣ жизнь не мила... Я готовъ все сдѣлать, что-бы и вы меня полюбили хоть немного.

— Нѣтъ, милый князь,—грустно сказала Таня,—этому не бывать... Вы ошибаетесь въ своемъ сердцѣ, вы только увлеклись мною. Вамъ надо другую дѣвушку,—я слишкомъ много страдала, а вы не видали горя; вамъ со мною скучно будетъ... Да, наконецъ, я не могу забыть того, кому отдала все сердце мое...

— Неужели-же вы хотите похоронить себя на вѣки, забыть, что вы прекрасны душой и тѣломъ и можете сдѣлать счастливымъ человѣка, который васъ искренно и глубоко любитъ?.. Татьяна Сергѣевна! все, что я говорю, для меня слишкомъ важно... Это для меня вопросъ жизни... Я долго обдумывалъ свое чувство и говорю теперь свое безповоротное рѣшеніе: мнѣ нѣтъ подруги, кромѣ васъ!..

Молодые люди шли въ глубь дубовой рощи дальше и дальше; звуки оркестра и пѣсенниковъ слышались все слабѣе; надвигались сумерки. Княжна Таня вдругъ опомнилась, оглянулась, прислушалась и повернула назадъ.

— Воротимтесь, а то заблудимся,—сказала она спутнику.

Князь продолжалъ убѣждать; дѣвушка, борясь со своимъ чувствомъ любви къ князю, все-таки не могла рѣшиться отвѣтить ему согласіемъ. Прямого предложенія отъ князя она не ожидала, и оно ее поразило. Ей надо было самой обдумать и освоиться съ этой мыслью,

А между тѣмъ, горячая молодая кровь бушевала въ ней; она чувствовала себя близко къ обмороку и нез-

мѣтно для самой себя она оперлась на руку молодаго человѣка и шла прижавшись къ нему. Князя эта близость любимой дѣвушки бросала въ жаръ: его рѣчь становилась все страстнѣй и увлекательнѣй.

Приближаясь къ лужайкѣ, гдѣ были поставлены палатки пріѣхавшихъ, наши путники встрѣтили быстрый ручей съ енистыми берегами. Они остановились въ затрудненіи; значитъ, они возвращались уже другою дорогою, такъ какъ раньше этого ручья не встрѣчали. Князь осмотрѣлся и въ одномъ мѣстѣ увидалъ нѣсколько камней, по которымъ можно было въ два большихъ шага перейти ручей.

Молодая дѣвушка забезпокоилась: она не знала, какъ она перейдетъ ручей, но князь повелъ ее къ камнямъ, какъ перышко поднялъ съ земли, прижалъ къ своей груди и пошелъ по камнямъ черезъ ручей. Дѣвушка слабо вскрикнула отъ испуга. Перенеся свою драгоцѣнную ношу, князь, прежде чѣмъ поставить дѣвушку на землю, горячо прильнулъ губами къ ея пылающему лицу и страстно прошепталъ:

— Милая! я люблю тебя... Я умру безъ тебя...

Княжна Таня едва не потеряла сознанія: она не могла стоять и безсильно сѣла на траву у ручья; голова ея кружилась; глаза противъ воли смыкались.

Князь засуетился около обомлѣвшей дѣвушки, намочилъ въ холодномъ ручьѣ платокъ и приложилъ его къ лбу княжны. Черезъ нѣсколько минутъ княжна совсѣмъ оправилась, но залилась слезами.

— Князь, что вы дѣлаете со мною! Я не могу вамъ сопротивляться, но не должна васъ любить.

— Почему-же нѣтъ? милая Татьяна Сергѣевна! Ничто намъ не мѣшаетъ любить другъ друга до гроба. Мы будемъ счастливы.

Въ это время вблизи раздались голоса зовущихъ людей, посланныхъ воротить загулявшуюся парочку. Княжна поспѣшно встала и пошла по направленію голосовъ, пылая отъ волненія; князь не переставалъ страстно нашептывалъ ей.

— Татьяна Сергѣевна, дорогая! скажите-же да. Скоро мы будемъ вмѣстѣ съ другими. Не оставляйте меня снова на мученіе неизвѣстностью. Рѣшите мою судьбу.

— Потомъ... послѣ, завтра, скороговоркой произнесла княжна, завидѣвъ бѣгущихъ имъ на встрѣчу сестру Настю; дочь графа Ольдерогге и за ними нѣсколько егерей...

— Куда вы пропали? заблудились, что-ли?—кричала Настя;—а папа съ мамой ужъ безпокоиться начали, искать васъ послали...

— А-а! вотъ и наши пропащіе нашлись!—ласково встрѣтила дочку и князя Софья Зиновьевна, пристально глядя въ глаза обоимъ...

Молодыхъ людей взглядъ этотъ еще болѣе смутилъ, но княгиня постаралась свести разговоръ въ сторону, не желая еще болѣе смущать ихъ. Между ними, по ея опытному взгляду, произошло что-то, что приближаетъ ихъ къ той завѣтной цѣли, о какой княгиня мечтала день и ночь...

Скоро вся компанія собралась въ обратный путь, и

тихая гладь рѣки, покрытой уже лѣтними сумерками, снова огласилась стройными звуками оркестра...

Княжна Таня сидѣла въ глубокой задумчивости, была разсѣяна; а кругомъ всѣ были веселы, болтали и смѣялись...

XXII.

Въ этотъ вечеръ княжна Таня долго и усердно молилась, ложась спать. Жизненная дорога передъ нею раздваивалась: одна вела къ безрадостному существованію обиженнаго, никѣмъ не любимаго человѣка, другая — сулила земныя радости, семейный очагъ, могла наполнить ея жизнь и успокоить ея настрадавшееся сердце.

Но прошлое вставало передъ нею преградой пойти по этой второй дорогѣ. Ее мучило сознаніе какой-то измѣны своимъ прежнимъ чувствамъ и словамъ. Образъ погибшаго отъ любви къ ней человѣка являлся ея воображенію, хотя она съ болью въ сердцѣ и сознавала, что этого дѣла уже не воротить и не поправить: она и сама страдала за свое увлеченіе больше всѣхъ.

Проносилась въ ея головѣ и мысль о недолговѣчности любви князя Раменскаго: «что если это только молодое увлеченіе, а не глубокое чувство? Вѣдь тогда за первыми радостями наступятъ годы разочарованія: она опостылѣетъ мужу. Можетъ быть, онъ по честности натуры и добротѣ сердца и не покажетъ этого никогда

но вѣдь она-то почуетъ это женскимъ сердцемъ и сама будетъ страдать больше его?..»

Съ такими мыслями княжна заснула, не разрѣшивъ ихъ сама, предоставивъ судьбѣ рѣшить ихъ, поручивъ свое бѣдное сердце Богу, которому она горячо помолилась.

На другой день, послѣ обѣда, графы Ольдерогге съ дочерью собрались домой; княгиня Софья Зиновьевна стала уговаривать князя Раменскаго остаться у нихъ еще нѣсколько времени погостить.

— Вы будете партнеромъ въ ломберъ моему мужу, князь. Да кромѣ того, Таня бываетъ всегда веселѣе когда вы здѣсь; она, бѣдняжка, всегда такая грустная. У нея ужъ натура такая странная, задумчивая... Да и Настя васъ такъ любитъ...

Князю это приглашеніе было на руку, онъ боялся только, что княжна это приметъ неохотно, но, увидавъ въ ея быстромъ взглядѣ нѣмое согласіе, остался,

— Вотъ и прекрасно, князинька! Мы съ вами непремѣнно что нибудь разучимъ втроемъ, я такъ полюбила играть на сценѣ, щебетала веселая Настя.

Въ тотъ-же вечеръ, оставшись на-единѣ въ китайской бесѣдкѣ (Настя, болтавшая съ сестрой и княземъ, была искусно отозвана матерью), князь Раменскій возобновилъ свой разговоръ, столь смѣло начатый имъ наканунѣ въ дубовой рощѣ.

Таня выложила передъ княземъ всю душу: пересказала ему всѣ мысли, какія являлись препятствіемъ къ ея согласію. свои опасенія на счетъ увлеченія князя. На этотъ послѣдній пунктъ князь возражалъ со всѣмъ

жаромъ и клялся передъ дѣвушкой въ своемъ серьезномъ и обдуманномъ чувствѣ. Онъ говорилъ такъ горячо и увлекательно, въ его голосѣ слышалось столько любви и мольбы о счастіи, что княжна невольно и сама увлеклась этими рѣчами, и съ ея устъ сорвалось со-согласіе, преисполнившее князя восторгомъ.

— Князь, я отдаю вамъ свое сердце на вѣкъ! Оно много страдало, оно почти разучилось радоваться... Не разбейте его...

— Боже мой! Таня! Да есть-ли такая страшная клятва, какою я могъ-бы поклясться, что счастіе твое будетъ цѣлью моей жизни!

— Тутъ не клятвы нужны, клятвы самыя страшныя часто нарушаются. Надо взглянуть глубже въ свое сердце... Я вамъ вѣрю всей душой и люблю васъ моей послѣдней любовью, послѣ этой любви для меня только смерть... Милый...

Князь заключилъ гибкій и стройный станъ дѣвушки въ сильныя объятія и безчисленными поцѣлуями, прерываемыми полусловами страсти, совсѣмъ опьянилъ свою невѣсту.

— Ну, что-жъ, милая Таня, пойдемъ скажемъ папенькѣ и маменькѣ о нашемъ счастьи, попросимъ ихъ благословенія.

— Нѣтъ, милый, погоди. Теперь ничего не говори, а уѣзжай на мѣсяцъ или на два къ себѣ... и потомъ пріѣзжай просить руки... Мнѣ страшно моего счастья... Я не ожидала его... мнѣ надо освоиться...

— Но почему-же такъ надолго?

— Такъ надо. Принеси эту первую жертву моему капризу.

— Согласенъ, согласенъ. Оно и правда лучше.

— Ну, вотъ видишь. Такъ теперь ни гугу — и пойдемъ.

Неожиданный отъѣздъ князя на другой день, вопреки всѣмъ просьбамъ, очень удивилъ и огорчилъ отца и мать княжны. Проводивъ князя, Софья Зиновьевна рѣшилась спросить дочь о причинѣ этого отъѣзда. Ей казалось, что дѣла, такъ хорошо пошедшія на дачѣ, опять разстроились, благодаря какой нибудь выходкѣ странной княжны Тани. «Навѣрное, она занеслась со своимъ умомъ, да приплела еще къ этому своего проклятаго масона, котораго забыть не можетъ, и какъ нибудь обидѣла князя. Онъ самъ уменъ и самолюбивъ. А онъ, видимо, очень въ нее влюбленъ: такъ и смотритъ ей въ глаза, самъ не свой, какъ она появится. И эдакого жениха выпускать!.. Второй разъ!.. Господи! Эта дѣвчонка меня въ гробъ уложитъ».

— Что у васъ такое вышло съ княземъ? прямо приступила княгиня къ дочкѣ, чтобы неожиданностью вопроса смутить ее.

— Ничего, maman, отвѣчала Таня.

— Отчего-же онъ хотѣлъ сначала погостить у насъ, а потомъ вдругъ о какихъ-то дѣлахъ вспомнилъ и уѣхалъ, точно выгнанный?..

— Не знаю... Но вѣдь онъ хотѣлъ скоро возвратиться...

— Я буду рада. Слушай, Таня, поговори со мной хоть разъ, какъ съ матерью, откровенно. Ты князю

очень нравишься, это видно по всему. Неужели онъ тебѣ не нравится нисколечко?

— Онъ хорошій человѣкъ, maman...

— Хорошій!.. Конечно, хорошій, но это все не то: ты не отвѣчаешь прямо. Отчего ты съ нимъ такъ холодна стала послѣ того, какъ зимою, кажется, проводила съ нимъ время не безъ удовольствія?..

— Вы, maman, знаете причину. Вы-же сами постарались устроить мою жизнь такъ, какъ это *вамъ* хотѣлось, и потому не остановились ни передъ чѣмъ. Вы хотѣли *приказать* моей душѣ, а она не могла покориться.

— Но, душа моя, не могла-же я допустить такого ужаснаго дѣла!.. Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ: это было и быльемъ поросло. Можетъ быть, я и виновата — тогда прости. Вѣдь я все-таки люблю тебя, Таня, и твое счастье мнѣ дорого. Вотъ теперь: какъ-бы я была счастлива, если-бы...

— Князь мнѣ не пара: онъ слишкомъ молодъ и со мною счастливъ не будетъ... Да, наконецъ, я такъ ославлена, что порядочный человѣкъ меня не возьметъ.

— Ахъ, Таня, ты опять за старое!.. Никакой худой славы нѣтъ. Мало-ли, что бываетъ... еще хуже бываетъ...

Гордая княгиня Софья Зиновьевна бросила на этотъ разъ свой повелительный тонъ и, видимо, заискивала въ дочери изъ желанія расположить въ ея пользу своихъ плановъ. Княжна упорно скрывала все происходившее между нею и княземъ, сама не увѣренная, что князь не отдумаетъ за это время дѣлать предложеніе.

Княгиня добилась таки только одного, что дочь не отказала бы, еслибы князь Раменскій сдѣлалъ ей предложеніе. Княгиня радостно обняла Таню.

— Ну, вотъ, наконецъ-то ты утѣшила меня! Милая моя, какъ я рада, что ты пришла наконецъ въ себя!.. А то на тебя смотрѣть было жалко и страшно: точно не живой человѣкъ, точно схимница, которая отказалась отъ міра.

— Можетъ быть, это мнѣ и надо было сдѣлать — въ монастырь пойти...

— Не огорчай меня снова, Таня!.. Эти мысли меня въ страхъ приводятъ. Ты должна еще жить и будешь жить...

Княгиня пересказала мужу радостную вѣсть, и съ этого дня стала гораздо ласковѣе и внимательнѣе къ старшей дочери, уступала ей во всемъ, сдерживая себя и стараясь угодить ей во всемъ. Княжна, не привыкшая видѣть мать такою, удивлялась, но не радовалась этому; ей было даже неловко. Отецъ чаще ласкалъ Таню и заговаривалъ о счастливой возможности такого брака; родители съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда князя Раменскаго; Софья Зиновьевна уговаривала даже написать князю, но Таня рѣшительно воспротивилась этому, и родители со вздохомъ должны были уступить «своенравной» дочкѣ.

— Только бы князюшка пріѣхалъ, а ужъ я постараюсь, говорила Софья Зиновьевна мужу.

— Дай-то Богъ! Кажется, Танѣ онъ нравится... Для нея лучшаго мужа нигдѣ не найти: разборчива и съ норовомъ.

— А все ученье этого проклятаго масона: онъ испортилъ ей всю жизнь...

— Не поминай, матушка, мертваго... Можетъ быть, Богъ все къ лучшему устраиваетъ... Молиться надо.

Княгиня подъ рукой разузнавала о князѣ Раменскомъ, но скоро пріѣздъ ея двоихъ сыновей изъ Петербурга въ отпускъ отвлекъ ея мысли о замужествѣ дочери.

Въ домѣ начались праздники: стали наѣзжать гости, устраивались деревенскіе балы, не уступавшіе роскошью городскимъ, прогулки и охоты.

Пріѣхавшіе съ дочерьми графы Ольдерогге привезли кое-какія вѣсти о князѣ Раменскомъ: онъ писалъ имъ, что скоро надѣется быть въ ихъ губерніи. Княжна съ тайнымъ замираніемъ сердца узнала объ этомъ.

Княгиня не посвящала графовъ Ольдерогге въ свои предположенія относительно ихъ родственника, хотя склонность князя Раменскаго къ старшей княжнѣ Долинской не была тайной ни для кого.

Деревенская свобода отношеній и отсутствіе свѣтской чопорности, обязательной въ городѣ, вели къ большему сближенію между дѣвицами и молодыми людьми. Лѣтомъ загорались и разгорались любовные романы, осенью дѣлались предложенія, зимою справлялись пышныя свадьбы. За старшею дочерью Ольдерогге, красавицей Сусанной, сталъ ухаживать молодой князь гвардеецъ Долинскій, одинъ изъ братьевъ княжны, и родители съ той и другой стороны съ удовольствіемъ наблюдали за этимъ сближеніемъ, порѣшивъ въ умѣ всѣ дѣла, долженствующія завершить эту любовь.

На усадьбѣ Долинскихъ Княжевщина стало весело и шумно; веселье молодожи увлекало и стариковъ; княжна Таня принимала участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, но одна тайная мысль тревожила ее постоянно.

Она все думала о князѣ Раменскомъ: любовь ея къ нему овладѣвала ею все больше и больше.

Теперь она уже боялась его потерять и ждала съ нетерпѣніемъ и иногда тайно плакала, но тщательно скрывала свои тревоги отъ другихъ.

Прошелъ мѣсяцъ; братья-гвардейцы снова уѣхали въ Петербургъ; на усадьбѣ Долинскихъ опять стало потише; княжна Настя уѣхала въ гости къ графамъ Ольдерогге; Таня осталась дома, раздумывая о князѣ Раменскомъ. Вотъ уже почти два мѣсяца, какъ уѣхалъ князь и не давалъ княжнѣ никакой вѣсточки о себѣ... Не раздумалъ-ли онъ?

Съ этой мыслью княжнѣ теперь было-бы трудно помириться: это стоило-бы ей многихъ слезъ и, пожалуй, рѣшимости совсѣмъ удалиться отъ міра, гдѣ два раза сладостная мечта измѣнила ей...

Но вотъ съ усадьбы Ольдерогге прилетѣлъ верховой вѣстникъ съ письмомъ князя Раменскаго, гдѣ онъ писалъ, что на другой день будетъ у нихъ. Сердце княжны запрыгало отъ радости; княгиня Софья Зиновьевна замѣтила, какое впечатлѣніе произвело на дочь письмо князя и увѣрилась въ успѣхѣ желаннаго дѣла.

Она все еще не вѣрила своенравной дочкѣ и наблюдала за каждымъ ея шагомъ.

Вечеромъ только и разговора было, что о князѣ:

отецъ и мать наперерывъ хвалили его; княжна отмалчивалась.

— Эхъ, Таня, вотъ кабы далъ Богъ! воскликнулъ князь Сергѣй Иринеичъ. Княжна покраснѣла и ничего не отвѣтила; княгиня вздохнула и многозначительно взглянула на дочь.

Пріемъ князю приготовили самый радушный, а когда его берлинъ подкатилъ къ воротамъ усадьбы, — самъ сановный князь Долинскій вышелъ до полудвора встрѣтить гостя и сердечно его облобызалъ.

Сильно билось сердце у княжны, когда князь Раменскій, веселый и сіяющій, подходилъ къ ней по аллеѣ сада, куда она убѣжала отъ волненія, услыхавъ о пріѣздѣ князя.

Въ первый моментъ князь не могъ отъ полноты чувствъ вымолвить ни слова,—онъ только крѣпко жалъ и цѣловалъ обѣ ручки княжны, которыя она, вся зардѣвшись, не отнимала.

— Милая, дорогая Татьяна Сергѣевна!... какъ вы тутъ здоровы?... Вы не повѣрите, какъ я соскучился о васъ!... Еле-еле дождался времени, когда могъ пріѣхать сюда!

Они подошли къ китайской бесѣдкѣ; войдя въ нее князь обнялъ станъ дѣвушки, близко посмотрѣлъ ей въ глаза и спросилъ прерывающимся голосомъ:

— Вы... ты... не раздумала?... Не забыла своихъ словъ при разставаньи?... Вотъ я снова примчался къ тебѣ, люблю тебя еще больше... Что же ты скажешь мнѣ?...

Вмѣсто отвѣта, княжна прильнула къ груди своего жениха, спрятала лицо и тихо заплакала.

— Нѣмъ, не раздумала... Я люблю тебя, я твоя на вѣкъ... Но не пошути, милый, моимъ чувствомъ: я этого не переживу... Не посмѣйся никогда надъ моею первою любовью и замужествомъ!... Будемъ лучше вмѣстѣ молиться за душу лучшаго, какого я знала, человѣка, погибшаго изъ за любви ко мнѣ... Я до сихъ поръ живу его уроками...

— Милая Таня! Все святое для тебя будетъ и для меня свято!... Я весь отдаюсь твоему руководительству: пусть твоя прекрасная душа направляетъ мои дѣйствія... Я меньше думалъ о жизни, чѣмъ ты... ты выше меня...

— Милый, дорогой, неоцѣненный!—страстно шептала княжна и свободно отдалась горячимъ ласкамъ своего жениха...

Въ тотъ-же день князь Раменскій сдѣлалъ предложеніе отцу и матери княжны Тани; помолвка была назначена черезъ недѣлю, а свадьбу сыграть рѣшили въ деревнѣ, до отъѣзда въ городъ.

Послѣ свадьбы князь Раменскій рѣшилъ поѣхать съ молодой женою къ себѣ въ имѣніе, усадьбу Раменье, и заняться устройствомъ своихъ крестьянъ, которыхъ, по раздѣлу съ родными, онъ получилъ пять тысячъ душъ въ трехъ губерніяхъ.

Разбитая жизнь княжны Тани вновь устроилась, ея сердце, уже переставшее было биться сочувствіемъ ко всему живому и радостному, зажило вновь полною, молодою жизнью, согрѣтое страстною любовью къ своему будущему мужу.

Княжна была натура глубокая, сильно чувствующая:

она не скоро примирилась съ поразившимъ ее несчастіемъ, не скоро поддавалась очарованію новаго чувства. Она принадлежала къ тому типу русскихъ женщинъ, изъ которыхъ при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ выходили героическія личности...

Мы не станемъ описывать торжествъ помолвки, обрученія и вѣнчанія князя Раменскаго съ княжной-вдовой Таней: онѣ были совершены со всею роскошью и великолѣпіемъ, доступными такимъ двумъ богатымъ и родовитымъ фамиліямъ, и сопровождались праздниками почти на всю губернію.

Молодая супруга, не склонная къ свѣтскому шуму и развлеченіямъ, съ нетерпѣніемъ ждала конца всѣхъ праздниковъ и съ сердечною радостью освободилась отъ всѣхъ требованій свѣта и уѣхала съ мужемъ въ его имѣніе...

Теперь мы приступимъ къ описанію еще одного событія въ ея жизни, тихой и радостной, которое глубоко взволновало всю ея душу...

XXIII.

Довольный своею семьею, молодой и доброй женой и двоими малютками-дѣтьми: сыномъ двухъ лѣтъ и дѣвочкой одного года, князь Раменскій зажилъ въ усадьбѣ Раменье широкимъ бариномъ и занялся устройствомъ имѣній и жизни крестьянъ. Эта дѣятельность соотвѣтствовала какъ разъ его склонностямъ и склонностямъ его жены, у которой разумное устройство жизни и ши-

рокая и раціональная благотворительность были на первомъ планѣ.

Княгиня Татьяна Сергѣевна была центромъ, изъ котораго исходили всѣ разумныя и добрыя дѣла для многочисленныхъ крестьянъ Раменскаго, для которыхъ наступилъ золотой вѣкъ со времени женитьбы князя на княжнѣ Татьянѣ Долинской. Мужъ, который любилъ, почти обожалъ свою добрую и умную жену, былъ ревностнымъ исполнителемъ ея идей, и всѣ эти идеи клонились ко благу ихъ подданныхъ, къ облегченію ихъ участи, къ просвѣщенію ихъ умственныхъ и нравственныхъ потемокъ. И каждую службу въ многочисленныхъ храмахъ, находившихся въ имѣніяхъ князя, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи, неслись усердныя и отъ всего сердца молитвы крестьянъ за добрыхъ господъ.

Князь Раменскій былъ счастливъ такъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ.

Было погожее іюльское утро. На верандѣ швейцарскаго домика, построеннаго недалеко отъ каменнаго дома въ саду, ливрейные лакеи собирали княжеской семьѣ утренній чай. На пескѣ круглой площадки, около цвѣточной клумбы, играли двое прелестныхъ малютокъ подъ надзоромъ крѣпостной нянюшки съ дѣвочкой-помощницей. Изъ глубины сада вышелъ князь, разговаривая съ садовникомъ; отъ дома въ свѣтломъ, домашнемъ платьѣ шла по аллеѣ бѣлокурая миловидная женщина, съ румянымъ лицомъ, веселыми сѣрыми глазами, смѣющимися губами при видѣ возившихся на пескѣ малютокъ. Дѣти, завидѣвъ мать, обрадовались,

мальчикъ побѣжалъ на встрѣчу съ крикомъ: «Мама! мама!», дѣвочка протянула рученки и силилась встать на свои еще слабыя ножки и тоже лепетала: «Мама, мама!..»

Княгиня Татьяна Сергѣевна распростерла руки приняла въ свои объятія малютку-сына, подняла и разцѣловала его, а потомъ дошла и до дочки, и ту осыпала ласками. Поднявшись двѣ ступени на веранду, гдѣ накрытъ былъ столъ съ чаемъ и закуской, она нѣжно обняла мужа, цвѣтущаго и здороваго молодаго человѣка, и освѣдомилась:

— Ты, кажется, Глѣбушка, сегодня рано поднялся?

— Не поспалось что-то, Таня, я пошелъ въ садъ да и занялся тутъ съ Флегонтомъ, около ягодныхъ кустовъ. Ну, какъ почивала, моя дорогая?

— Хорошо, и сны все такіе хорошіе снились...

— Извѣстно, матушка-барыня, вмѣшалась старуха ключница, коли живется хорошо, да на душѣ свѣтло да безгрѣшно, такъ откуда и снамъ худымъ взяться?. Худые сны отъ худаго здоровья, али отъ худыхъ мыслей...

Мужъ и жена ласково переглянулись и принялись за чай, дыша полной грудью, любуясь на залитой утреннимъ солнцемъ садъ, на цвѣты и рѣзвящихся малютокъ-дѣтей. И утро, и солнце, и душевное спокойствіе — все гармонировало другъ съ другомъ, все заставляло любить и разливать эту любовь на окружающее и зависимое.

— Какъ хорошо сегодня, Глѣбушка! Поѣдемъ до обѣда въ дубовую рощу, дѣтишекъ возьмемъ съ собою.

— Поѣдемъ, милая, если ты хочешь. Ты знаешь, Таня, что твое желаніе для меня — законъ...

— Милый, дорогой! обняла она мужа, какой ты хорошій!.. Какъ я счастлива съ тобою!.. И подумать, что я такъ долго сама отталкивала и избѣгала этого счастья! Изъ-за какихъ-то толковъ, предубѣжденія... Правда, мнѣ надо было пережить мое горе... Но... что вспоминать старое! — Оно умерло и погребено!.. Ты вознаградилъ меня за все, что я вытерпѣла, ты призвалъ меня вновь къ жизни, когда я хотѣла стать безполезнымъ и лишнимъ человѣкомъ на землѣ... Теперь я цѣню жизнь, я вижу, что она прекрасна... И вся моя жизнь — жизнь — въ тебѣ, вотъ въ этихъ двоихъ ангелахъ...

Молодая женщина крѣпко обняла мужа.

Вдругъ невдалекѣ послышались на пескѣ аллеи шаги.

Князь взглянулъ на аллею. По ней невѣрными шагами шелъ какой-то сгорбленный и сѣдой человѣкъ съ испитымъ лицомъ. Костюмъ его не обличалъ въ немъ состоятельнаго человѣка, онъ былъ совершенно незнакомъ князю.

«Вѣрно, за помощью»—подумалъ князь Раменскій, пристально вглядываясь въ пришельца.

Странный человѣкъ, подойдя къ верандѣ, остановился у ступеней и, не говоря на слова, пристально сталъ вглядываться въ лицо князя, а потомъ княгини...

Вдругъ онъ взмахнулъ руками, ринулся на веранду прямо къ княгинѣ и закричалъ:

— Жена!.. Татьяна Сергѣевна!.. Таня!.. Тебя-ли я вижу?

Княгиня, точно кто толкнулъ ее, вскочила съ мѣста съ широко раскрытыми глазами, моментально поблѣднѣвъ, какъ полотно. Она зашаталась и должна была прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть; князь стоялъ тоже пораженный.

— Таня! Жена моя! Наконецъ-то я нашелъ тебя!.. Я думалъ, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, что ты умерла, ожидая твоего Игнатія, которому ты предъ престоломъ Божіимъ клялась въ вѣчной вѣрности... Я думалъ, что я теперь одинокъ на свѣтѣ, что самъ, лишенный счастья, могу только созерцать чужое... Таня, Таня! Ты не узнаешь меня! Всмотрись: я тотъ-же Игнатій, каковъ былъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда мы вѣнчались... Глаза воскресшаго будто изъ мертвыхъ Колесникова горѣли лихорадочно и ненормально бѣгали, рѣчь была торопліва и обивчива, жесты размашисты и порывисты.

— Насъ тогда разлучили, Таня, оторвали насильно другъ отъ друга. Меня бросили въ смрадную тюрьму, на солому, мучили и терзали мою душу, истощали тѣло. Но я не страдалъ за себя—я страдалъ за тебя, Таня! Я зналъ, что ты несчастнѣе меня, что ты слабѣе меня. Потомъ меня сослали въ Сибирь, далеко-далеко! Тамъ вѣчная зима, тамъ лѣто коротко и знойно; тамъ травка, вырвавшись на солнце, спѣшитъ жить и, утромъ показавшись изъ земли, къ вечеру выростаетъ, а на другой день цвѣтетъ!.. Я терпѣлъ голодъ и холодъ, не разъ умиралъ отъ цынги, былъ оскорбляемъ на каждомъ шагу, душа моя почти умерла, но я старался побороть и падающій духъ, и болѣющую плоть

мыслью о тебѣ, о твоей любви, о возможности когда нибудь съ тобой встрѣтиться и окружить тебя всѣми благами, какихъ ты достойна за твою прекрасную душу!.. Таня! Таня! Ты-ли это, Таня?.. Можетъ быть, мои глаза меня обманываютъ?.. Я шелъ посмотрѣть князя Раменскаго, истиннаго франкъ-масона по добродѣтели, слава котораго гремитъ въ этихъ мѣстахъ. И вдругъ вижу тебя!..

Все это Игнатій Петровичъ сказалъ залпомъ, захлебываясь, и остановился для передышки. Князь стоялъ, отвернувшись, блѣдный отъ волненія. Княгиня все еще не могла оправиться отъ ужаса и изумленія, вперивъ глаза въ страшно-изможденное лицо, нѣкогда ей милое, а теперь похороненное на днѣ души, заслоненное настоящимъ счастьемъ. Да, она узнала его: это онъ, ея Игнатій, ея первая любовь и мужъ, предъ лицомъ Бога, все-таки мужъ, хотя земная власть и не признала этого.

На княгиню нашло нѣчто вродѣ столбняка. Контрастъ между чувствами, волновавшими ее нѣсколько минутъ назадъ, и неожиданнымъ появленіемъ того кого она считала мертвымъ, былъ слишкомъ рѣзокъ. Она не знала, что предпринять?.. Передъ нею стояли два мужа, оба настоящіе и живые. Одинъ въ прошломъ, лучезарное воспоминаніе первой юношеской чистой любви давно похороненное въ душѣ, другой—въ настоящемъ, наполнившій ея душу живымъ счастьемъ, сдѣлавшій ее матерью двоихъ малютокъ! Какая злая шутка судьбы такъ жестоко возмутить ея счастье во время его полнаго расцвѣта, кинуть ея душѣ и совѣсти святое обя-

зательство, когда всѣ пути къ старому отрѣзаны, когда новое завладѣло всею душею и тѣломъ!

XXIV.

Передохнувъ, Игнатій Петровичъ началъ снова:

— Ты... Вы недвижны! Значитъ, мои глаза обманули меня! Значитъ, вы не Таня моя, не жена... Таня моя никогда бы не измѣнила своей клятвѣ, у ней была высокая и чистая душа, душа истиннаго франкъ-масона! Ей достаточно показать вотъ это кольцо, надѣтое намъ предъ алтаремъ Бога живаго... За это кольцо меня хотѣли убить, якутъ кусалъ меня за палецъ, чтобы откусить его. При видѣ этого кольца, на которомъ есть ея имя, она забыла бы все и бросилась ко мнѣ и никакое препятствіе не удержало бы ее, я знаю ея душу... Прощайте! Извини, великодушный князь, что полоумный человѣкъ потревожилъ тебя. Я хотѣлъ видѣть твое доброе и честное лицо. Такихъ, какъ ты, мало. Прощайте...

Колесниковъ, трясясь отъ волненія, ступилъ шагъ назадъ.

Княгиня вдругъ сорвалась съ мѣста, подбѣжала къ Игнатію Петровичу и, бросясь передъ нимъ на колѣни, простерла къ нему руки.

— Игнатій!.. Остановись!.. Да, ты не ошибся: это я—твоя жена Таня, но вѣдь мнѣ сказали, ты умеръ! Я долго ждала тебя, я много плакала о тебѣ, но о тебѣ не было ни слуху, ни духу!.. Меня родной отецъ увѣрилъ въ твоей смерти. Я тебя похоронила и опла-

кала въ душѣ. Но ты жилъ и живешь во мнѣ до сихъ поръ! Ты образовалъ мою душу и твои слова, твои мысли до сихъ поръ живутъ въ ней и превращаются въ дѣло. Благодаря тебѣ, Игнатій, я научилась цѣнить въ человѣкѣ больше всего душу и вотъ за душу-то, родственную твоей душѣ, я полюбила вотъ этого человѣка, моего мужа, князя Глѣба Раменскаго! Прости меня, Игнатій, за измѣну тебѣ, если можешь простить, но къ прошлому возврата нѣтъ!.. Прости! найди въ твоей высокой душѣ хотя жалость для меня, оказавшейся недостойною твоей любви... Но вѣдь ты воскресъ для меня изъ мертвыхъ!..

Княгиня, плача, поклонилась Игнатію Петровичу въ ноги... Тотъ бросился поднимать ее... Появившемуся было въ концѣ аллеи лакею князь махнулъ рукой, и тотъ скрылся снова...

— Такъ ты... такъ вы... Таня... Татьяна Сергѣевна,—залепеталъ сквозь слезы Колесниковъ,—замужемъ... И этотъ чудный человѣкъ твой мужъ?.. Въ немъ душа истиннаго франкъ-масона?... Вы считали меня умершимъ?.. О, да! всѣ эти годы я былъ мертвецъ и душою, и тѣломъ... Только Всевышній Зодчій вселенной оставилъ въ этомъ бренномъ тѣлѣ искру жизни, чтобы дожить, когда сжалится надо мною земное правосудіе, когда я снова, какъ Моисей обѣтованную землю, увижу родину и все, что было дорого моему сердцу!.. И я многихъ не нашелъ, но за то нашелъ ту, кѣмъ полно мое сердце до сихъ поръ. Я думалъ найти тебя въ горѣ, а ты счастлива. Чего-жъ я страстно желалъ всѣ эти годы, какъ не твоего счастья?.. Всевышній Зодчій! ты мудро размѣряешь своимъ божественнымъ циркулемъ

пути живущихъ... Я умеръ для міра, а міръ шелъ впередъ, я бы погребенъ въ снѣгахъ, а жизнь цвѣла, врачевала горе, рождала новыя радости... И тебя коснулся ея благодатный волшебный жезлъ: твоя душа была уврачевана, въ ней поселилась новая радость... И мнѣ-ли, полуистлѣвшему выходцу съ того свѣта, омрачить эту новую радость твоего сердца?.. О нѣтъ! будь благословенъ Богъ, устроившій все по своей неисчерпаемой благости и мудрости.

Княгиня, сидя, плакала; князь утиралъ глаза, стоя отвернувшись въ уголъ, Игнатій Петровичъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, воздѣвъ руки къ небу и устремивъ туда глаза...

— Таня! позволь мнѣ въ послѣдній разъ назвать тебя такъ, подойди сюда, я умеръ для тебя,—и вотъ живой мертвецъ возвращаетъ тебѣ твое обязательство!— Колесниковъ торопливо снялъ обручальное кольцо и, надѣвъ его на палецъ княгини, поцѣловалъ эту руку окропивъ ее слезами,—будь счастлива своимъ новымъ счастьемъ! Великодушный князь! подойдите сюда, живой мертвецъ хочетъ благословить васъ на вѣчное и полное счастье... Вы стоите другъ друга, моя душа не оскорблена ея выборомъ. Сойди на васъ благословеніе Господа!..

Игнатій Петровичъ торжественно, какъ бы священнодѣйствуя, положилъ руки на головы склонившихся передъ нимъ князя и княгини. Глаза его горѣли, онъ весь трясся, князь и княгиня плакали...

— А теперь... теперь я уйду... И на вѣки уйду, и дѣйствительно, умру для васъ, хотя моя бренная плоть и будетъ гдѣ нибудь обитать до смертнаго часа,

который, я чувствую, недалекъ... Прощайте, княгиня Татьяна Сергѣевна, прощайте, великодушный князь, дайте мнѣ поцѣловать васъ братскимъ поцѣлуемъ, ибо вы—истинный масонъ по добрымъ дѣламъ!..

Князь бросился въ объятія Колесникова.

— Нѣтъ, Игнатій Петровичъ, сказалъ князь, мы не пустимъ васъ!.. Я такъ много слышалъ о васъ отъ жены моей, я такъ привыкъ высоко цѣнить вашу душу, что и теперь она руководитъ нами. При началѣ каждаго дѣла мы спрашивали: «а какъ бы сдѣлалъ это Игнатій Петровичъ?» и всегда душа ваша, которая всегда жила съ нами,—мы въ это вѣрили,—подсказывала намъ самое лучшее рѣшеніе... То, что васъ такъ порадовало въ моихъ имѣніяхъ, за что вы хвалите меня,—вѣдь это дѣла души и мысли вашей!.. Нѣтъ, я не отпущу васъ скитаться!..

Княгиня со слезами присоединилась къ просьбамъ мужа, оба обнимали и держали за руки Игнатія Петровича.

— Игнатій Петровичъ, если вы воскресли для насъ изъ мертвыхъ, то и живите эту вторую жизнь у насъ... Васъ нигдѣ не будутъ больше любить, какъ здѣсь. Вы намъ нужны, какъ руководитель, мы такъ мало опытны и мало знаемъ, а дѣла такъ много!.. Тысячи христіанскихъ душъ на нашей душѣ и совѣсти. Богъ ждетъ за нихъ отвѣта отъ насъ... Игнатій Петровичъ, не откажите намъ помочь въ такомъ святомъ и великомъ дѣлѣ,—оно достойно вашей души!..

— Да, Игнатій Петровичъ, мы съ вами связаны передъ Богомъ, насъ разлучили силою и если судьба

снова свела насъ,—то и кончимте нашу жизнь вмѣстѣ исполнимте хоть часто того святаго обязательства, какое мы дали предъ алтаремъ, если Богъ судилъ иначе... Васъ Богъ повелъ по этой дорогѣ,—покоритесь Его мудрой волѣ...

Игнатій Петровичъ колебался, онъ представлялъ разныя отговорки: ему надо было разыскать друзей, сестру, но Раменскіе неотступно просили его.

— Всѣхъ мы разыщемъ вмѣстѣ, всѣхъ, если надо, пріютимъ, только оставайтесь здѣсь, какъ въ родномъ домѣ. Видите: у насъ дѣти,—указалъ князь на подходившую няньку съ дѣтьми,—они подростутъ, имъ надо просвѣтать умъ и душу, просвѣтите ихъ, какъ просвѣтили вы ихъ мать...

Колесниковъ заплакалъ отъ радости и согласился...

— Хорошо. Пусть это будетъ моя обѣтованная страна, моя тихая и мирная пристать, гдѣ пристанетъ моя разбитая житейской бурей ладья... Хорошо, я останусь у васъ, я употреблю всѣ оставшіяся у меня силы на тѣ дѣла, какими вы такъ прельстили меня... Я буду няньчить и воспитывать этихъ ангеловъ, какъ дѣдушка... Подите сюда, ангелы во плоти, дѣти любви и счастья, которое не было суждено мнѣ...

Игнатій Петровичъ протягивалъ руки къ подошедшимъ дѣтямъ; мальчикъ смѣло подошелъ къ ласковому старичку, а дѣвочка недовѣрчиво таращила глазенки на сѣдую голову и бороду невиданнаго ею человѣка.

—

Игнатій Петровичъ прожилъ въ усадьбѣ Раменье, въ этомъ самомъ швейцарскомъ домикѣ въ саду, пять

лѣтъ, окруженный любовью и попеченіемъ всѣхъ, кто только его зналъ. Всѣ дѣти Раменскихъ, которыхъ было еще трое, очень любили «дѣдушку», какъ его называли всѣ; крестьяне издали снимали шапку при его видѣ и прибѣгали къ нему за совѣтами и часто поручали ему судъ. Они называли его «божьимъ человѣкомъ», но не въ сожалительномъ смыслѣ калѣки, а по его ангельской добротѣ и правдивости.

Миръ и благодать царствовали въ усадьбѣ Раменье и во всѣхъ владѣніяхъ князя, на радость добрымъ, на зависть злымъ. Добрая идея, какъ доброе зерно, павшая на плодотворную почву, возросло и принесло плоды сторицею.

Когда Игнатій Петровичъ умеръ, рыдавшая семья князя Раменскаго поставила ему монументъ, описанный въ началѣ...

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google